

ТАТЬЯНА БОЧАРОВА

ПИАНИСТКА

Татьяна Александровна Бочарова

Пианистка

Серия «Детектив сильных
страстей. Романы Т. Бочаровой»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69310075

Пианистка : роман / Татьяна Бочарова: Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-188145-0

Аннотация

Карина привыкла к своей скучной жизни. Уроки в музыкальной школе, одинокие вечера в пустой квартире, редкие встречи с женатым любовником... Все изменилось, когда по соседству поселилась молодая семейная пара. При одном взгляде на Олега у Карины упало сердце: он поразительно напоминал ее первую любовь, закончившуюся так трагически. Она решила держаться от соседей подальше, но это оказалось невозможно: ей было слышно все, что происходит за тонкой стенкой. После скандалов Леля прибежала к ней жаловаться, и постепенно они стали лучшими подругами. Но от Олега Карина по-прежнему предпочитала держаться подальше, как будто чувствуя исходящую от него опасность...

Невероятно чувственные остросюжетные романы Татьяны Бочаровой из серии «Детектив сильных страстей» задевают самые

тонкие струны в женской душе, заставляя вспомнить все, о чем мечталось, да не сбылось. Они дарят надежду, что никогда не поздно все изменить!

Содержание

1	6
2	13
3	27
4	39
5	46
6	51
7	58
8	62
9	67
10	73
11	80
12	85
13	88
14	90
15	102
16	105
17	108
18	117
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Татьяна Бочарова

Пианистка

© Бочарова Т., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Редактор серии А. Антонова

Оформление серии А. Дурасова

* * *

1

Гамма коряво, с остановками добралась доверху и начала спускаться. Медленно, ползком, на ощупь.

Карина невольно оторвалась от окна и обернулась: ей показалось, что ученик играет, крепко зажмурившись и не видя клавиатуры. Но нет, глаза мальчика были широко открыты и выражали муку.

Он сидел, резко наклонившись вперед на стуле, крепко прижав локти к бокам, и судорожно колотил пальцами по клавишам.

...Ми, ре, до, си, ля, соль...

– Фа-диез, – привычно подсказала она.

Мальчишка вздрогнул всем телом и остановился.

– Там фа-диез, Вася, – мягче проговорила Карина и приблизилась к фортепьяно, за которым застыл страдалец. – Ну что ты? Играй дальше, – она осторожно положила руки ему на плечи, – расслабься. Вот так, молодец. Локти в сторону, пальцы поднимай, но не слишком.

Вася достучал гамму до конца и вопросительно поглядел на нее.

– Ничего, – вздохнула та, – неплохо. Давай дневник.

Лицо мальчугана прояснилось. Он мигом вскочил со стула и протянул толстую тетрадь в темной обложке.

– Вот.

– Значит, к следующему уроку разучишь фа мажор. И принесешь польку. Хорошо?

– Хорошо, – выдохнул Вася, нетерпеливо косясь на дверь.

Карина молча глядела, как он, спеша и сопя, складывает потрепанный нотный сборник в папку и вприпрыжку бежит к порогу, по обыкновению позабыв сказать «до свиданья».

Ей казалось, будто ее выпотрошили наизнанку. А ведь Вася лишь третий по расписанию! За ним придут еще семь человек, и где взять на них силы?

В голове мерно отстукивало: «соль, ля, си, до...»

Карина резко выпрямилась, вернулась к окну, решительным движением распахнула форточку настежь. Повеяло промозглой сыростью.

Господи, ведь уже март, весна! А она и не заметила ее наступления за бесконечной чередой тускло-серых дней, монотонным «раз и, два и, три и», упорно пропадающими диезами и бемолями, непослушными детскими пальцами.

Занавеска тихонько раскачивалась от ветра. Карина в оцепенении разглядывала чахлый цветок герани, стоящий в горшочке на подоконнике.

Позади скрипнула дверь.

– Кариш, ты свободна?

На пороге стояла Зина Бабакина. Глаза ее подозрительно припухли, большие красивые руки нервно комкали носовой платок.

– Заходи, Зиночка. – Карина, обрадованная визитом по-

други, не сразу заметила ее необычное состояние.

– Я на минутку. – Та бочком прошла в класс, уселась на краешек стула возле пианино. – У тебя никого нет?

– Васю пораньше отпустила, – призналась она. – Не могу больше.

Зина понимающе кивнула. Карина внимательней взглядела в ее лицо.

– Ты что? – с тревогой проговорила она, подсаживаясь поближе. – Что-то случилось?

– Да так, – уклончиво ответила та.

– На тебе лица нет. Может, сердце? Дать таблетку?

– А! – Зина с ожесточением махнула рукой и прижала к глазам платок.

– Ну что ты, Зинуль! Ну брось! – Карина растерянно глядела на рыдающую подругу. Для обычно сдержанной Зины слезы были редкостью.

Устала? Неважно себя чувствует?

– Дерьмо! – шептала та, закрывая ладонями лицо. – Все дерьмо! Грязь! Надоело, к чертовой матери такую работу!

У Карины в голове мелькнула мысль: вероятно, сегодня неблагоприятная геомагнитная обстановка – не только у нее самой, но и у Зинки крыша поехала, заниматься с учениками невозможно, хочется послать подальше всю их музыкальную школу, да и вообще весь мир.

– Не расстраивайся, Зинуля, – ласково обратилась она к подруге. – Наверное, сегодня магнитная буря. Я тоже словно

выжатый лимон.

Зина внезапно опустила платок. Мокрые глаза недобро блеснули.

– Буря, говоришь? – Она бросила гневный взгляд на дверь. – Я тебе сейчас расскажу, какая буря. Малютину мою помнишь?

– Это новенькая, что ли, с маникюром?

– Она, – сквозь зубы подтвердила Зина. – Знаешь, я вчера ее выгнала с урока. Насовсем.

– Правильно сделала, – поддержала ее Карина.

Она отчетливо вспомнила новую ученицу, которую месяца три назад всучила Зине администрация. Девушка лет четырнадцати, с наглым взглядом жирно подведенных глаз и длинными сиреневыми ногтями. Смотрит свысока, будто не учиться пришла, а с ревизией.

– Наглющая, – подхватывая ее мысли, проговорила Зина. – Не делает ни черта, я ей слово, она мне в ответ десять. Ну я и сказала ей – тут, мол, дети музыке учатся. Между прочим, талантливые, и музыку любят.

– А она?

– Ушла. А сегодня явилась ее мамаша: шуба норковая в пол, в ушах брюлики.

– К тебе?

– Если бы. Прямиком к директору. – Зина зло сощурилась и замолчала.

– И дальше что? – осторожно спросила Карина, хотя уже

знала, что услышит в ответ.

– Как ты думаешь? – с горечью проговорила та. – Я должна извиниться перед девчонкой за то, что, видите ли, унизила ее человеческое достоинство, намекнув на отсутствие таланта. А дальше – учить ее как миленькая, безо всяких разговоров. Ее папаша, оказывается, купил для школы комплект стереоаппаратуры и обещал на следующий год ремонт зала за свой счет.

– Да, – пробормотала Карина, опуская голову.

Это было все, что она могла сказать Зине. Обе прекрасно знали, как бесправны здесь, у себя на работе. Мало того что получают копейки, так еще должны безропотно терпеть унижения от таких вот папиных дочек – иначе разговор с директором будет коротким.

– Я не буду учить эту стерву, – тихо и отчетливо проговорила Зина, вставая.

– Разве есть выход? – безнадежно спросила Карина.

– Уйду.

Она поглядела на подругу, поняла, что та говорит серьезно, и почувствовала, как болезненно сжалось сердце.

Зина уйдет. Оставит ее здесь одну. Умница Зинка, которая единственная в школе понимает Карину с полуслова. Да что ж за день сегодня такой разнесчастный!

– Зин, а как же ученики? – упавшим голосом спросила она.

– Не трави душу. – Зина страдальчески поморщилась. –

Обойдутся как-нибудь. А я больше не могу. Пойду в частную школу, говорят, меньше трехсот баксов в месяц не платят.

– Там дети без тормозов, – сказала Карина, – балованные, им все позволено, вот и...

– И здесь все позволено, – перебила Зина. – И так и так продаваться, уж лучше задорого, чем задарма.

– Как знаешь. – Карина пожалала плечами.

Конечно, Зине нужно работать в денежном месте. Она одна растит сына, его и одеть надо, и обувь, и накормить, и выучить.

А ей деньги без надобности. Дедовская дача в Кратово дает постоянный ежегодный доход в пару тысяч баксов – на одинокую безбедную жизнь вполне хватает. А лишнего ей не надо.

– Пойду, – Зина вздохнула и направилась к двери, – у меня там Кирюшка с Настей сидят. Свиридова играем в четыре руки, – она улыбнулась криво и жалко, – как я их оставлю, ума не приложу!

Она вышла из класса.

Карина прикрыла окно, наполнила под краном пыльный граненый стакан и полила загибающийся цветок. Потом усе-лась возле фортепьяно и принялась терпеливо дожидаться следующую ученицу.

Жалко Зину. Но у той хотя бы есть злость, энергия, побуждающая ее на поступки, заставляющая искать для себя лучшей доли.

А у Карины ничего нет. Поэтому она никуда отсюда не уйдет...

2

Когда Карина закончила работу, уже смеркалось.

Она привычно брела по своему излюбленному маршруту: пешком через скверик, мимо булочной, молочного, и, наконец, узкая асфальтированная дорожка, стиснутая с двух сторон длинными многоподъездными домами. Дорожка сворачивала влево и упиралась в грязно-желтую панельную пятиэтажку, в которой жила Карина.

Лифта в доме не было. На последний этаж приходилось карабкаться пешком.

Здесь, в крошечной двухкомнатной квартирке под самой крышей, она обитала с рождения. Сначала с мамой, потом, после ее смерти, одна.

Карина вошла в прихожую, щелкнула выключателем и, не снимая пальто, без сил прислонилась к стене. Висящее напротив большое зеркало отразило ее всю, с головы до ног – красивую, грустную и бледную.

«Нет, все-таки определенно тяжелый день», – в который раз подумала Карина и начала медленно раздеваться.

Она нашарила под вешалкой тапки, провела щеткой по осевшим под шапкой волосам и вяло побрела на кухню. Поставила на плиту чайник и не спеша выложила на стол свои приобретения: пакет кефира, кусочек сыра, упаковку мармелада и батон.

Карина рассчитывала, что дурное настроение и хандра в привычной, спокойной обстановке рассеются, вытесненные мелкими бытовыми хлопотами. Но почему-то легче не становилось. Наоборот: пустая квартира давила отвратительной мертвой тишиной.

Карина слегка поколебалась, ушла с кухни в комнату, сняла с телефона трубку и набрала коротенький номер.

– Слушаю, – отозвался молоденький женский голос.

– Девушка, пожалуйста, для абонента восемь ноль девяносто три. Саша, приезжай, мне хреново. Карина.

– Хреново, – спокойно повторила телефонистка и отключилась.

Карина удобно устроилась в мягком кресле, вытянув руки на подлокотниках. В кухне посвистывая, закипал чайник, но встать не хотелось. «Подождет», – лениво подумала она, с наслаждением ощущая, как расслабляется спина, ноющая от многочасового сидения в три погребели над учениками.

Через минуту раздался звонок.

– Да, – сказала Карина в микрофон.

– Привет, солнышко! – зарокотал на том конце провода сочный бас. – Как ты? Куксишься?

– Немного, – призналась Карина. – Ты на работе?

– То-то и дело, что нет, – виновато проговорил Саша. – В гостях, с Нинкой и козлятами. Тут такие апартаменты, целых пять комнат. Я тебе из спальни звоню.

– Значит, не приедешь, – констатировала Карина.

– Нет, ягодка, сегодня никак. Завтра, может быть. Ты не кисни, ложись, отдыхай.

– Ладно. Чао. – Она опустила трубку.

Чайник всюду заливался разбойничьим свистом. Карина заставила себя рывком встать, вернулась на кухню, погасила газ. Она налила себе чашку крепкого чая, рассеянно вскрыла пакет с мармеладом.

Не велика беда, что Саша занят и не сможет прийти. Кто он ей, в конце концов? Ни гражданский муж, ни просто любимый человек. Так, нечто вроде бойфренда, а по совместительству примерный семьянин, отец троих детей. Козлят, как он их любит называть.

Саша ей сейчас не поможет. Да и никто другой. Трудно найти того, кто спас бы от самой себя. От собственных мыслей, неумолимо преследующих днем и даже ночью, ставших сегодня особенно невыносимыми.

Ей уже тридцать, а она одна на всем свете. Нет у нее ни настоящей любви, ни дружной семьи, как у единственной школьной подруги, Верки, ни хотя бы ребенка, как у Зины. И в отличие от Саши, обожающего свою низкооплачиваемую работу хирурга в районной поликлинике, Карина, кажется, ненавидит музыкальную школу.

Она ясно поняла это сегодня. До сих пор Карина считала, что все не так уж плохо, среди множества бездарных, серых учеников есть Олечка Серебрякова, умница, одаренный человек, отдушина. Ради нее Карина готова была трудиться

в музыкалке, невзирая на все издержки такой работы.

Но сегодня и Олина игра показалась ей пресной, ученической, лишенной воображения.

Как такое могло случиться? Когда-то давно Карина любила свою специальность, детей, приходящих в класс, подолгу корпела над программой для каждого из них, устраивала большие праздничные концерты. И теперь все это исчезло, ушло в прошлое, без следа и намека на возвращение. Почему, за что ей такое?

Карина отодвинула недопитую чашку, встала из-за стола, почти бегом бросилась в спальню и распахнула тумбочку, притулившуюся возле тахты.

На полочке лежала древняя колода карт, распухшая и засаленная, да маленький фотоальбом со смешным олененком на обложке. Карты Карина трогать не стала, а альбом вытаскивала.

Открыла первую страницу – снимок был десятилетней давности.

Господи, какая она здесь! Волосы длиннющие, распущены по плечам, на щеках озорные ямочки, в глазах сплошная наивность. Смех!

Это еще до всего, что произошло, до *него*.

Карина хотела перевернуть страницу, но передумала. Прилегла на тахту, не выпуская альбом из рук, мечтательно прикрыла глаза.

...Да, когда-то она была совсем другой. И жизнь текла по-

иному, весело, шумно, торопливо.

Тогда еще жива была мама.

В маленькой квартирке под крышей собиралась молодежь: студенты консерватории, Каринины однокурсники. Они пировали на кухне ночи напролет, дымили в окно на лестничной клетке, танцевали до упаду, ругались и мирились.

Тогда каждый день отличался от предыдущего решительно всем – и цветом, и вкусом, и запахом. Веселая компания менялась – одни исчезали, на смену приходили другие.

Как-то появился высокий пепельноволосый парень в длинном, висящем мешком на худой долговязой фигуре, грубом свитере и с тяжелым прямым взглядом свинцовых глаз. Танцевал мало, наливал себе стопку за стопкой, сидя в углу. Оттуда, из угла, смотрел на Карину негибким, невежливым взглядом.

Кто его привел, она не знала, но на очередной танец, набравшись храбрости, пригласила, положила руки ему на плечи. Пепельноволосый встал во весь почти двухметровый рост, плавно повел Карину в такт музыке, не прижимался, не лапал. Ничего ей не сказал, оттанцевал и вернулся в свой угол.

Когда гости разошлись, она раскинула карты на трефового короля. На сердце у него лежала пиковая десятка, ногами он топтал даму червей. Внутри у Карины что-то оборвалось, она собрала колоду и запрятала ее на дальнюю полку.

Он пришел в следующий раз. А потом еще. Карина уже знала, кто привел его, знала, что зовут его Степан, он приехал из Омска и учится на пятом курсе МАИ.

Однажды он остался у них в квартире, в крошечной Карининой комнате на ее скрипучей старенькой тахте. На рассвете она проснулась, подошла к окну, увидела наливающиеся белизной небо за занавесками, один за другим гаснущие фонари внизу, и едва не задохнулась от счастья.

Она любила его. Любила в нем все: нахальный, уверенный взгляд, серые, будто пеплом посыпанные волосы, широкую скорую походку, манеру одеваться – во все длинное, просторное, грубое, – молчаливость.

Зато мама возненавидела Степана, кажется с первого взгляда. Каждое утро, глядя на ее блаженное лицо, глупо-счастливую улыбку, тихо, сквозь зубы, но очень отчетливо говорила:

– Дура. Он испортит тебе жизнь. Разве вы – пара? Посмотри, посмотри на себя и на него!

Карина только плечами пожимала. Она даже злиться на мать не могла, не хватало ее ни на какие другие чувства. Та не сдавалась, пилила день и ночь:

– Пусть женится, раз живет здесь на всем готовом! Вот погоди, попадешься – он сразу в кусты слиняет. Вспомнишь тогда!

Жениться? Да ей было все равно, пригласит он ее в загс или нет. Главное – Степан здесь, сегодня, завтра, послезав-

тра. Господи, как же это чудесно!

Может быть, они и поженились бы: он окончил институт, его оставили работать в Москве как подающего надежды. Карина видела – он прирос, прикипел если не к ней, то к дому, к образу жизни, к удобству, к тому, что она всегда рядом, «под рукой». Может быть, оставалось совсем чуть-чуть до исполнения маминой мечты.

Но тут пришла телеграмма: его отец в Омске тяжело заболел. Матери у Степана не было. Он должен был ехать.

Карина сама собирала ему чемодан. Перестирала и перегладила вещи, сложила и расправила каждую складочку, аккуратно защелкнула замки на крышке.

Она ни разу не заплакала, даже на вокзале, даже когда состав тронулся, стал набирать ход, и ей страстно захотелось побежать по шпалам за этим чертовым поездом, увозящим в ночь от нее счастье. Но она сдержалась, так как понимала: он едет к смертельно больному человеку, родному отцу. Ему гораздо тяжелее, чем ей. У него серьезная проблема, а у нее так, женские пустяки.

Вечером мать посмотрела на ее безжизненно опущенные плечи и, поджав губы, сказала:

– Думаешь, он вернется к тебе? Держи карман шире.

– Как ты можешь, мама? – Голос Карины задрожал. – У него такое горе!

– Не вернется! – сурово отчеканила мать и ушла к себе.

Через месяц Карина поняла, что ждет ребенка. Степан не

позвонил ни разу. Сама она звонила дважды: он говорил с ней приветливо, но мало. Отец был в тяжелом состоянии, при смерти, требовал круглосуточного ухода.

Мать доводила ее каждый день и, в общем-то, Карина понимала, что та права. Сколько будет умирать в далеком Омске его отец, можно было лишь догадываться. К тому же она от души желала Степану, чтоб отец прожил как можно дольше, если есть хоть какая-то надежда на исцеление. С работы Степан перед отъездом уволился, так что в Москве его ничего не держало. Кроме нее, Карины.

Она ничего не говорила матери про беременность, но день ото дня терзалась все больше. Звонков из Омска по-прежнему не было. Наконец Карина решилась, набрала длинный междугородний номер и услышала после долгих гудков молодой женский голос.

Почему-то она сразу ужасно испугалась, хотя это могла быть его сестра, родственница, на худой конец просто знакомая семьи, пришедшая помочь. Дрожащим голосом Карина позвала его к телефону. Степан долго не подходил, неприлично долго для междугороднего звонка. А когда ответил наконец, Карина не узнала его голоса, настолько он был чужой и отдаленный. Нужные слова никак не хотели выходить у нее изо рта, словно прилипли, застряли там. Вместо них она бормотала какие-то бессвязные, пустые, ничего не значащие фразы.

Степан сказал, что отцу дали новое лекарство, ему стало

лучше, но все равно он требует постоянного ухода. И возвращаться в Москву ему пока невозможно. Он уже нашел работу в Омске и благодарит Карину за беспокойство, заботу о нем и его семье. Последняя фраза убила ее наповал. Так благодарить можно случайную знакомую, но никак не без пяти минут жену. Из последних сил сдерживаясь, она распрощалась со Степаном, повесила трубку, встретила торжествующий взгляд матери и ушла к себе в комнату.

Ревела она всю ночь и следующий день. Ребенка решила не оставлять.

С матерью они потом помирились, вместе поплакали над ее несчастной судьбой. О том, что она была в положении, Карина так и не сказала. Все сделала втайне от нее под видом поездки в Петербург.

Степан так и не позвонил ни разу. Карина тоже больше не звонила ему. Продолжала жить как заведенная, ходить в консерваторию, в магазин, убираться в квартире, с кем-то встречаться, о чем-то разговаривать. А в глубине души теплилась надежда: вот он приедет, поднимется по восьмидесяти пяти ступенькам на их пятый этаж, обнимет ее своими ручищами, и останутся в прошлом эти мрачные дни и ночи, недели и месяцы, словно и не бывало.

Он вернулся через три года, когда Карина окончила консерваторию, стала молодым специалистом и заимела свой класс в музыкальной школе. Когда утекло столько воды, и больше половины этой воды были слезы. Когда трижды оде-

лись в листву могучие ветвистые тополя в московском дворе, и трижды отцвела бордовая мальва под окнами первого этажа.

Он даже не позвонил. Просто приехал, поднялся по лестнице и нажал кнопку у двери.

Карина была дома. Она открыла ему и даже не удивилась – привыкла ничему не удивляться. Только заметила, что с ним нет желтого кожаного чемодана, в который она складывала его вещи накануне отъезда и куда не упала ни одна ее слезинка.

А должна была! Весь он мог наполниться ее слезами, размыться, лопнуть под их давлением, разлететься на мелкие куски, на ремешки и кармашки и уплыть далеко-далеко.

Молча они сидели на кухне, пили чай, изредка нарушая тишину вежливыми и ненужными словами. Он, она и постаревшая, уже неизлечимо больная мама, у которой не было больше сил ненавидеть его за то, что он разбил дочери жизнь.

Карина глядела в любимое лицо, с трудом узнавая неуловимо изменившиеся черты, потускневшие глаза, вокруг которых появились еле заметные морщинки, потемневшие волосы, незнакомую складку, залегшую у губ.

Наконец он встал, обнял Карину, прямо на кухне при матери. И три года разлуки, одиночество, горькая непонятость, не рожденный ребенок – все это будто растворилось, исчезло из сердца. Остались только нежность, безграничное доверие

и благодарность, за то, что он снова здесь.

Ночью все произошло как-то быстро. Грубовато и жадно Степан вдруг приник к ней, но не так, как раньше. Не было чего-то привычного, такого желанного, долгожданного. А чего именно, она не поняла.

Потом они долго лежали в темноте без сна, молчали, и Карина почему-то не могла думать ни о чем, кроме этого дурацкого желтого чемодана, словно он являлся частью Степана и без него тот не мог быть самим собой. Она уже точно знала, что он сейчас скажет.

Он повернулся, приподнялся над подушкой и бросил коротко:

– Я должен уйти. Прости. Так получилось.

– Когда? – спросила Карина, хотя это волновало ее меньше всего. Если уходить, какая разница – завтра, через месяц, через год. Главное – уходить, главное – навсегда.

– Завтра, – ответил Степан и еще раз добавил: – Прости.

Карина ничего не сказала. Утром он ушел.

Вскоре позвонила общая знакомая, та самая, что привела его в первый раз, и рассказала, что из Омска Степан привез беременную жену. Они продали квартиру умершего отца, добавили денег и купили в Москве крошечную комнату в коммуналке. Он устроился в хорошую фирму и будет копить на квартиру. Ребенок должен родиться через два месяца.

Карина слушала, кивала трубке, и ей вспоминалось, как первый раз раскинула она карты на Степана, и в ногах у него

оказалась червонная дама. Грустная русоволосая дама червей, с поникшей чайной розой в руке. Она, Карина...

...Снизу послышалось оглушительное жужжание дрели. На четвертом этаже уже три месяца шел грандиозный ремонт, и от шума сотрясался весь подъезд.

Карина вздрогнула и открыла глаза. Кажется, она задремала. Или нет, просто давно, вот уже семь лет, грезит наяву, каждую свободную минуту погружаясь мыслями в далекие воспоминания и несбыточные мечты.

Она быстрым, вороватым движением перевернула страничку альбома.

Сколько раз давала себе клятву выбросить эту фотографию, да так и не хватило духу. Красуется здесь, большая, цветная, глянцевая, словно привет из прошлой жизни. Напоминание о том сказочном дне, когда, гуляя по Арбату, тогда еще бывшему Калининскому, они со Степаном забрели в фотосалон.

Заглянули смеха ради, но пожилой усатый фотограф оказался мужиком прилипчивым и красноречивым, уломал их сделать карточки.

Сначала он долго усаживал Карину в низенькое, резное креслице, учил, как держать руки – одну на коленях, другую на подлокотнике, лично пристроил в ее пальцах бумажную маргаритку. Затем заставил Степана встать у Карины за спиной, обнять ее за плечи, наклониться так, что их виски слегка соприкасались.

Мелькнула вспышка, затем другая. Степан достал бумажник, сунул старику две помятые десятирублевки – сумму баснословную по тем временам. Тот в ответ протянул Карине корешок от квитанции.

Это было ровно за день до того, как Степану позвонили из Омска.

А через четыре дня он уехал. Про фотографии Карина позабыла и пришла в салон лишь спустя пару недель, обнаружив в кармане пальто потрепанные бумажки.

Усатый подал ей конверт. Там лежали два одинаковых снимка, вызывающе красивые, изумительные по четкости и цвету. Одну карточку она послала в Омск, другую вставила в альбом и каждый вечер ревела, глядя на нее.

...Карина машинально провела рукой по глазам, хотя знала, что они абсолютно сухи. Все слезы она выплакала тогда, семь лет назад.

Саша в шутку называет ее «моя каменная леди». И вправду, Карина точно окаменела с тех пор, разучилась смеяться и плакать, навеки стала сдержанной и спокойной.

Сама себе противна, но ничего не поделаешь.

Она решительно захлопнула альбом, спрятала его обратно в тумбочку. Осторожно дотронулась до потрепанной рубашки верхней карты и тут же отдернула руку.

Закончилось время, когда она ночи напролет раскидывала колоду. Складывала, тасовала, раскидывала вновь, и всегда карты давали ей один и тот же ответ.

Все это пройдено и забыто. А сейчас спать! Принять на ночь теплый душ, проглотить таблетку снотворного и уютно устроиться под теплым одеялом. Эту единственную радость у нее никто не отнимет.

3

Утром Карине стало легче. Проснулась она рано, задолго до того, как прозвонил будильник. От вчерашней усталости и апатии осталось лишь легкое головокружение. Но и оно быстро прошло после чашки крепкого кофе.

На работу надо было к двенадцати, и все утро она провела за чтением любовного романа, который от нечего делать купила в киоске пару дней назад.

Книжка оказалась затягивающей, хоть и откровенно банальной. Карина не заметила, как пролетело два часа.

Когда она подходила к школе, настроение было вполне терпимым. Пожилая вахтерша приветливо поздоровалась и протянула ключ от класса. Карина расписалась в журнале, поболтала со старушкой о том о сем и неторопливо поднялась на второй этаж.

Тут она нос к носу столкнулась с завучем, Марией Максимовной Бурцевой, симпатичной, подтянутой дамой лет пятидесяти с высокой, аккуратно уложенной копной каштановых волос.

Завучиха лучезарно улыбнулась, обнажив удивительно ровные и белые зубы:

– Кариночка, вы-то мне и нужны! Есть важный разговор.

Весь персонал школы отлично знал: сияющая улыбка начальницы, равно как и ее склонность называть подчиненных

уменьшительными именами, не что иное как прелюдия к пренеприятнейшим вещам, например, очередному нагоняю за неверно заполненный журнал, или минутное опоздание на урок.

В другое время Мария Максимовна была весьма сурова и не проявляла излишней любезности.

– Я вас слушаю. – Карина кивнула, останавливаясь.

– Нет, дорогая, не здесь. Пойдемте ко мне в кабинет. – Завуч сделала пригласительный жест рукой и стремительно зашагала по коридору. Карина последовала за ней, на ходу гадая, чем могла прогневить начальство.

Бурцева остановилась перед дверью, повернула ключ в замке и встала на пороге, пропуская ее вперед.

– Садитесь, милая. – Она кивнула на широкое кресло напротив стола. – Не волнуйтесь, я не задержу вас надолго. – Бурцева осторожно, кончиками пальцев поправила свою шикарную прическу, опустилась на стул, сохраняя идеально прямую осанку, и спросила, слегка понизив голос: – Слушайте, что это с вашей приятельницей?

– Какой приятельницей? – Карина непонимающе уставилась на Бурцеву, хотя ей ментально стало ясно, о ком идет разговор. О Зине.

– Ну как же, – подтверждая ее догадку, проговорила Мария Максимовна, – разве вы с Зинаидой Ильиничной не подруги?

– Положим, это так, – уклончиво ответила Карина, про-

должая изображать полное недоумение. Она старалась выиграть время, пока не угадает наверняка, чего именно хочет от нее начальница.

– А раз так, – мгновенно перестав улыбаться, сурово отчеканила та, – то неужели вы не в курсе, что Бабакина подала заявление об уходе?

– Когда?

– Сегодня утром.

Карина ничего не ответила.

Значит, Зина решила действовать немедленно. Что ж, может, так и лучше, потом возникнут сомнения, сожаления, а железо надо ковать, пока горячо.

Бурцева смотрела на Карину ледяным взглядом прозрачно голубых глаз.

– При чем тут я? – пожалала та плечами.

– А вы не понимаете? – Завучиха скрестила руки на груди. – До конца учебного года два с половиной месяца. Впереди экзамены. Где мы найдем сейчас педагога на замену? У Бабакиной класс – пятнадцать человек.

– Распределите их по другим преподавателям, – посоветовала Карина.

– Легко сказать, – отрезала Бурцева, – у всех полная нагрузка. Поговорите с ней, вас она должна послушать! Объясните, что она ведет себя как ребенок. В конце концов, надо же понимать, в какое время мы живем и работаем – приходится иногда поступаться собственными амбициями.

Бурцева говорила так, словно не сомневалась, что Карина в курсе всех Зининых проблем с ученицей.

– Ну скверная девочка эта Малютина, – продолжала она, постукивая кончиком карандаша по столу. – Все это знают. Зато в классе музлитературы теперь есть нормальный, человеческий проигрыватель. Не вы ли с Бабакиной с пеной у рта доказывали в прошлом году на педсовете, что детям необходимо слушать музыку в хорошем исполнении на качественной аппаратуре? Не вы, я спрашиваю?

– Я, – спокойно сказала Карина, – но вовсе не имела в виду, что за это надо заплатить такую цену.

– Да бросьте вы. – Бурцева поморщилась, точно от зубной боли. – Почему остальные педагоги люди как люди, все понимают правильно, идут на разумные компромиссы, не конфликтуют по чем зря, и только вы с Бабакиной вечно лезете на рожон? Будете разговаривать с ней или нет, говорите прямо!

– Не буду.

– Прекрасно. Тогда сделаем, как вы предлагаете, распределим ее учеников по другим классам. Малютину возьмете вы.

– Я?! – Карина даже вскочила.

– Вы, вы! У вас есть подход к детям, кроме того, вы молодая, полная сил. Не могу же я отдать трудного ребенка пожилым преподавательницам, у них и так проблемы со здоровьем.

В последних словах Бурцевой содержалась доля истины – в школе Карина и Зина были самыми молодыми педагогами, средний возраст основного контингента давно перевалил за пятьдесят. Многие из преподавательниц часто бюллетенили из-за гипертонии или больного сердца.

Карина отлично понимала, почему завучиха не хочет отдавать им капризную Малютину – богатенькому отцу девицы нужно было видеть, что с его дочкой занимаются полноценно, не пропуская уроков.

– Я не возьму Малютину, – твердо сказала Карина, глядя на Бурцеву в упор.

– Возьмете, никуда не денетесь, – сладко улыбнулась та и аккуратно поставила карандаш в стакан. – Вы наш работник и обязаны подчиняться распоряжениям администрации. В противном случае... – Она выразительно развела руками.

«В противном случае вам придется уйти вслед за Бабакиной», – закончила про себя ее фразу Карина.

Черт побери, ее приперли к стенке. Уговаривать Зину она не будет, это ее право – поступать как заблагорассудится. Значит, придется учить Малютину и общаться с ее родителями-спонсорами, потому что уходить Карине некуда.

Бурцева расценила ее молчание как капитуляцию.

– Значит, так, дорогая, – ее лицо вновь разгладилось и засияло, – завтра девочка придет к вам, и вы уж, пожалуйста, с ней помягче. Ребенок пережил стресс. Понятно?

– Понятно, – сквозь зубы ответила Карина.

В свой кабинет она пришла вне себя от злости, но, о чудо, эта злость вдруг непонятным образом воздействовала на учеников. С испугом поглядывая на обычно мягкую, не повышающую голос учительницу, они собрались, сконцентрировались и выдали максимум того, на что были способны.

К концу дня Карина даже увлеклась, словно в былые времена, перестала замечать, как медленно ползут сорок пять минут урока, позабыла и про Бурцеву, и про блатную ученицу.

А вечером нагрязнул Саша.

Квартира сразу наполнилась веселым шумом и суетой. Он внес на кухню два объемистых пакета с продуктами, решительно отодвинул Карину от плиты и полчаса колдовал над сковородкой, фальшиво напевая себе под нос.

Затем они мирно, по-семейному поужинали сочными свиными отбивными с горошком, выпили по рюмке отличного крымского коньяка, подаренного Саше пациентом, и перешли в спальню.

Часам к девяти вымотавшийся на работе и разомлевший от коньяка и любви Саша задремал. Во сне он ворочался, ругал на чем свет стоит какого-то Серегу и жалобно просил разбудить его через десять минут.

Карина осторожно встала с тахты, сняла с кресла теплый клетчатый плед и аккуратно укутала им Сашины ноги. Постояла несколько минут рядом, с улыбкой вглядываясь в его потное, красное лицо.

Кажется, скоро три года, как он посещает ее одинокую квартирку, ненадолго рассеивая царящие здесь тоску и уныние.

Карина отчетливо помнила день их знакомства.

Это было спустя год после маминой смерти. Все это время подружка Верка неумоимо устраивала ее личную жизнь.

– Хватить куковать и сидеть одной в четырех стенах, – решительно говорила она. – Честной девушке нужен муж. Хороший, заботливый, работающий, чтобы не пил и носил на руках.

Верка говорила всерьез – у нее самой все было именно так. Сразу после школы она выскочила замуж за их с Кариной одноклассника, Алешку Фомина. Леха Верку обожал, работал не покладая рук, а уж когда она родила ему Егорку, и вовсе сделался образцово-показательным супругом: устроился на вторую работу, сделал в квартире грандиозный ремонт, построил дачу в тридцати километрах от Москвы.

Счастливая Верка считала, что все вокруг должны быть так же счастливы. Обладая несметным количеством знакомых, она начала стремительно подбирать ей потенциальных женихов.

Карина сопротивлялась, но Верка вкрадчиво уговаривала: – Да ты только попробуй. Не понравится – пошлешь куда подальше.

От нечего делать Карина решила рискнуть. Однако Веркины мужики ей не нравились. В одном раздражал нависаю-

щий над брюками животик, другой был откровенный жмот, третий казался полным кретином.

Наконец, помыкавшись, Карина поняла, что замуж выходить вовсе не хочет.

Тут-то судьба и подбросила ей Сашу.

Он заглянул в класс, разыскивая дочку, занимавшуюся на флейте.

У Карины было очередное «окно» – одна из учениц не пришла на урок и не предупредила об этом. Как всегда в таких случаях, она коротала время, достав из шкафа клавир «Пиковой дамы», одну за другой играя оттуда любимые арии и вполголоса напевая.

Она как раз дошла до знаменитого ариозо Лизы, когда дверь приоткрылась, и в комнату просунулось румяное чернобородое лицо с маленькими глазами-бусинками.

– Простите, что побеспокоил, – сочным, сдобным басом произнес бородач. – Не подскажете, где занимается Игорь Савельич?

Флейтист работал на третьем этаже. Карина подробно объяснила, как найти его кабинет, затерянный в лабиринтах школьного коридора.

– Благодарю, – кивнул мужчина и скрылся.

Карина вернулась к своему занятию. Она благополучно пропела ариозо, сыграла песенку Графини и раздумывала, не приняться ли ей за арию Германа. И тут вновь возник бородач.

– Не помешаю? – бесцеремонно поинтересовался он и, не дождавшись ответа, вошел в класс. – Еще раз благодарю. Нашел. Представляете, вот смех! Жена послала дочке ноты отнести – она их дома оставила – а я сроду в школе не бывал. Заплутал тут у вас. В нашей поликлинике и то, кажется, меньше кабинетов. – Чернобородый заразительно захохотал, глаза-бусинки весело сверкнули.

Застывшая в недоумении Карина невольно улыбнулась. От бородача шел мощный заряд энергии и оптимизма, и она, так остро нуждавшаяся и в том и другом, сразу почувствовала это.

– А вы вроде как музицировали? – спросил неожиданный гость, кивая на пюпитр с раскрытыми нотами. – Это что? Бах?

– Чайковский, – сдерживая смех, ответила Карина, – «Пиковая дама».

– Пардон, не угадал, – мужчина комично развел руками, – но играли вы отменно. Я слышал. Да и пели хорошо.

– Спасибо. – Карина в тон ему, шутливо поклонилась.

– Не за что, – серьезно произнес бородач. – Вы, если не ошибаюсь, фортепьяно преподаете?

– Именно.

– А имя-отчество позвольте узнать?

– Карина Петровна.

– Что ж, уважаемая Карина Петровна, своего младшего непременно отдам к вам учиться. Возьмете?

– Возьму, если есть слух.

– Ну посмотрим. – Чернобородый отступил к двери. – Разрешите откланяться, уважаемая Карина Петровна, спасибо, что помогли.

Он скрылся в коридоре. После его ухода в ушах еще долго звучал мощный, рокочущий бас.

А через два дня он пришел снова. Мелкими шажочками протопал в класс, приоткрыл полу куртки: там ютился крошечный букетик мокрых фиалок – на улице шел дождь.

– Это вам. – Он сразу протянул цветы Карине, опустив приветствие, никак не объяснив цель своего визита. Стоял и молчал. С его ботинок натекли две грязные лужицы.

Карина внимательно глядела на него: лет сорок – сорок пять, метр с кепкой, толстенький, начинающий лысеть.

Видно, он хорошо представлял себя со стороны: в черных глазах-бусинках читалась печаль.

Он был совершенно не в Каринином вкусе, но почему-то она разрешила ему дожидаться, пока закончатся уроки, и проводить ее до дому.

Дорогой Саша (Александр Сергеевич, тезка Пушкина – представился он) приободрился, галантно поддерживал Карину за локоток, острил, хохотал своим оперным басом. Подойдя к подъезду, просительно заглянул ей в глаза:

– Пригласите на чашку чая! А не то промокну и получу воспаление легких.

Карина прикинула наличие двоих детей, старенькую бо-

лоньевую куртку и такие же старенькие, но тщательно начищенные ботинки и, не успев ничего толком решить, неожиданно кивнула...

Детей у Саши оказалось трое. Их фотографию он достал из бумажника и продемонстрировал Карине в их первый же вечер наедине. Мордашки на снимке были до жути похожи друг на друга и не имели ничего общего с отцом, кроме знакомых темных глаз-бусинок. Если бы не эта деталь, то, глядя на сухощавые личики, обрамленные белесыми жиденькими волосами, можно было предположить, что Сашина супруга хронически наставляет ему рога.

– Нечего сказать, нашла кавалера! Нищий, как бомж, зато плодовитый, как кролик, – ворчала Верка. Но Карина ее комментарии игнорировала.

Саша ей нравился гораздо больше всех Веркиных протезе. Он безоговорочно и сразу принял условия ее игры: ничего друг другу не обещать, ни к чему не обязывать.

Встречи стали нечастыми, но теплыми, им было о чем поговорить, к тому же Саша, несмотря на неказистую внешность и бедность, обладал безусловным обаянием. Даже скептически настроенная Верка, повидавшись с ним пару раз, прикусила язык...

...Сашино лицо во сне страдальчески сморщилось. Карина дернула за шнурок ночника, погасила свет и, легко ступая, вышла в соседнюю комнату.

Нет, наверное, не права она была вчера, считая, что жизнь

не удалась. Возможно, такие минуты слабости бывают у всякого.

У нее нет семьи, ребенка? Вовсе не обязательно каждой женщине иметь все это. Ей достаточно того, что есть Саша. Конечно, это не любовь, и незачем себя обманывать, но обыкновенного человеческого уважения он достоин. Хотя бы за то, что так предан своей хирургии и в наше трудное время не побоялся взвалить на себя обузу в виде троих детей. За то, что, придя сюда, всегда старается устроить Карине маленький праздник по мере своих сил.

А еще у нее есть Верка. Милая, смешная, добродетельная, готовая за Карину хоть на край света. И Зина, даже если уйдет из школы, обязательно будет звонить. Они смогут поболтать обо всем на свете, как в редкие свободные минуты на работе.

Да и работа у Карины не безнадежная. Просто надо принимать жизнь такой, какая она есть, уметь радоваться малому, замечать то хорошее, что тебя окружает.

Так думала Карина, сидя на диванчике перед включенным без звука телевизором, время от времени поглядывая на часы в углу: ровно в десять Сашу нужно было разбудить и отправить домой к жене Нине, якобы после случившегося на работе семинара.

4

Как-то незаметно пролетели две недели. Одну из них Карина, ухитрившаяся на излете мартовских холодов схватить простуду, просидела дома. Температура у нее была невысокой, но все тело ныло от тупой, ломающей боли, горло противно саднило, голос осел, стал низким и хриплым.

Приезжавший пару раз Саша поил Карину отвратительно-теплым молоком с содой, которое она ненавидела с детства.

Однажды заскочила Зина, принесла баночку малинового варенья и огромный оранжево-желтый грейпфрут. Она уже окончательно распрощалась со школой, забрала трудовую книжку и обзванивала частные заведения на предмет трудоустройства.

Когда, наконец, Карина поправилась и собралась на работу, ее пошатывало от слабости. Медленно-медленно она преодолела десять лестничных пролетов, толкнула тяжелую подъездную дверь на ржавой толстой пружине и выползла на свет божий.

Она моментально ослепла от хлынувшего ей в лицо солнечного света. Вокруг было царство весны, чудесной, полнокровной, наконец-то с достоинством вступившей в свои права.

Под ногами чернел чистый мокрый асфальт, по нему но-

сились оголтелые, ошалевшие от счастья воробьи, вырывая друг у друга хлебные крошки.

С крыши подъезда свисала последняя, унылая и тонкая сосулька, звучно хлюпая каплями. По голубому небу плыли лохматые, похожие на куски сладкой ваты облака.

Парень в потрепанном дворницком ватнике, с ожесточением сгребавший лопатой с тротуара остатки раскисшего снега, обернулся на стук подъездной двери, увидел Карину и неожиданно улыбнулся, явив неровные, прокуренные зубы:

– Надо же, едрит твою мать! Весна пришла!

Этим возгласом он передал всю свою усталость от затянувшейся зимы, снегопадов, льда, который толстой коркой покрывал тротуар, и его надо было изо всех сил долбить тяжелым ломом.

...Новенькая Малютина сидела за инструментом, вытянув на клавишах длинные прямые пальцы с острыми ногтями. Взамен сиреневого лака блестел бледно-розовый: это была единственная уступка, на которую пошла бывшая Зинина ученица ради Карины.

– Сонату ты не знаешь, Эвелина. – Карина, уставшая слушать жалкое ковыряние, подошла к пианино и захлопнула ноты. – Давай-ка Баха.

– Баха я не успела, – сказала Малютина, убирая с клавиатуры шикарные пальцы.

– Но ты и этюд не успела, – пожала плечами Карина. –

Скажи, пожалуйста, ты собираешься играть экзамен?

– Конечно, – с готовностью кивнула девочка.

– Интересно, что же ты будешь исполнять комиссии? Ведь остался ровно месяц, а ты программу почти не разобрала.

– Я выучу, – заверила Эвелина, спокойно глядя Карине прямо в глаза.

Ту передернуло. Безусловно, Зинка была права, когда высказывалась насчет этой наглой соплюшки. Послать бы ее с урока домой, заниматься, да нельзя. Две недели назад Карина попробовала отправить Малютину из класса на пятнадцать минут раньше срока, и тут же прискакала Бурцева.

– Карина Петровна, – тоном, не терпящим возражений, заявила она. – Будьте добры заниматься с Эвелиной строго по расписанию. Ровно сорок пять минут и не меньше. Кстати, – завучиха строго поджала губы, – задерживать ее тоже нежелательно, девочка очень загружена, у нее еще теннис, изостудия и хореография.

– Может, мне с секундомером над ней стоять? – сквозь зубы спросила Карина.

– А вот это вы зря, – отчеканила Мария Максимовна. – Напрасно иронизируете. Я ведь вам все насчет нее объяснила. Вы же не уговорили Бабакину остаться, а могли бы. Теперь терпите и делайте то, что вам велят.

С этими словами она вышла, плотно прикрыв за собой дверь...

– Ладно. – Карина заставила себя успокоиться, вспомнив,

что следующей придет Оля Серебрякова. – Открывай Баха и учи текст. Прямо здесь, при мне.

Девушка с недоумением покосилась на нее, хотела было что-то возразить, но передумала, взяла ноты, водрузила их на пюпитр, раскрыла на нужной странице.

«Ничего, – думала Карина, сидя в излюбленном месте у окна и слушая, как ученица раз за разом повторяет одну и ту же фразу. – Найдем способ, как справиться с этой красавицей. Нельзя ее выгонять – ладно. Но тогда пусть учит программу как миленькая».

Сорок пять минут, положенные расписанием, истекли, Эвелина собралась и ушла. Карина облегченно вздохнула.

В класс заглянула Оля, маленькая, белокурая, похожая на эльфа.

– Карина Петровна, можно?

– Можно, Оля,ходи.

Девочка направилась к фортепьяно, волоча за собой тяжелую сумку с нотами.

– Что играть сначала? – Она глянула на Карину ясными голубыми глазами. – Моцарта или Шопена?

– Давай Шопена.

Оля добавила к двум подставкам на стуле третью, села, положила на клавиши тоненькие пальчики.

Карина слушала ее и ловила себя на том, что невольно улыбается. Девчонка играла так непосредственно, легко и вместе с тем профессионально, почти мастерски, что ее апа-

тия и слабость от простуды исчезли без следа.

Когда, закончив работу, Карина вышла на улицу, было еще совсем светло. Легкий ветерок за день подсушил асфальт. Она шла по знакомому скверу и удивлялась каждой мелочи. Ей казалось, что она очнулась от глубокого, тяжелого сна и словно впервые видит молоденьких мамаш, прогуливающих с колясками взад и вперед, разноцветные яркие куртки ребятишек, гурьбой носящихся по детской площадке, толстых, важных голубей, смешно переваливающихся с лапы на лапу, горластых мартовских котов.

Карина нарочно не спешила, но когда она наконец подошла к дому, так и не стемнело. Она увидела, что дверь широко распахнута, а перед домом стоит грузовик, набитый домашним скарбом. Двое грузчиков снимали с машины большой цветастый диван.

«Кто-то въехал к нам, – подумала Карина. – Интересно, куда это?»

Всех жильцов своего маленького подъезда она знала прекрасно. Это только в новых башнях в семнадцать этажей соседи годами ездят в лифте, не узнавая друг дружку, а маленькая хрущевка-пятиэтажка вся как на ладони.

По три квартиры на этаже – всего пятнадцать. Никто вроде бы не уезжал из дома за последние месяцы.

Карина, с любопытством оглянувшись на грузовик, вошла в подъезд. И тут же, почти следом за ней, важно въехал диван.

– Девушка, в сторону! – весело гаркнул один из грузчиков, плечистый здоровяк.

Другой, не такой веселый, может, потому, что низкорослый и худой и таскать мебель ему было тяжело, угрюмо проворчал:

– Долбаные дома ваши без лифта! Тащи эту хреновину на пятый этаж – никаких денег не захочешь!

– Ладно, не вякай, – подбодрил его напарник, и они, обогнув посторонившуюся Карину, довольно быстро потопали вверх по лестнице.

Она в недоумении пожала плечами. На пятый? Кто же это поменялся втихаря, так, что она и не заметила? И тут ее осенило: да это ж к ней, под самый нос, въезжают новые соседи. Видно, двухкомнатную квартиру, пустовавшую лет пять, продали. Раньше, когда была жива мама, она принадлежала Анне Марковне Шац. Потом старушка умерла. Ее дочь и зять квартиру сдали. Но въехавшие туда жильцы за три месяца довели ее до такого состояния и оставили столь ужасающие счета за междугородние переговоры, что после их отъезда хлебнувшие лиха хозяева решили больше никого в свое жилище не пускать. Продавать квартиру тоже не спешили, видно, в деньгах не нуждались.

Карина привыкла за эти годы к отсутствию соседей за стеной, будто так и должно быть. И сейчас интерес к новоявленным жильцам боролся в ней с некоторым страхом: как-то уживется она с чужими людьми за тонкой проницаемой

стеночкой. Вдруг шуметь будут? Или...

Что «или» Карина додумать не успела – машинально дошла на свой пятый этаж и уперлась носом прямо в распахнутую дверь соседней квартиры.

Оттуда слышались шаги, голоса грузчиков, скрип и грохот переставляемой мебели. Однако в прихожей никого не было. Карина помялась, но, так и не дождавшись появления хозяев, отправилась к себе.

«Ну их, – подумала она, – еще успеем познакомиться».

Все последующие вечера она прислушивалась к соседям за стеной в большой комнате, но услышать ей ничего не удалось.

«Наверное, въехала какая-нибудь тихая старушка, – решила Карина. – Сидит, караулит квартиру для подрастающих внуков».

Однако она ошибалась.

Спустя неделю, вечером, когда Карина, уютно устроившись в кресле, писала в нотах пальцы для Олечки, приспособив широкую шопеновскую фактуру к ее крохотной ручке, тишина за стеной вдруг взорвалась громкими голосами. Они быстро перешли на крик, да такой, что Карине пришлось отложить свои ноты.

Ссорящихся было двое: мужской голос будто бы что-то спрашивал с нарастающим раздражением, ему вторил высокий и жалобный то ли женский, то ли детский голосок, будто оправдываясь. Тонкий голос все набирал и набирал высоту. До уха Карины стали долетать некоторые слова.

«Не могу я, не могу», – отчетливо расслышала она сквозь стену, и крик перешел в рыдание. Мужской голос что-то сердито забубнил на одной ноте, отчего рыдания усилились.

Карине стало неловко, будто она подслушивает чужую семейную сцену. Она вздохнула, сгребла в охапку Шопена и перешла в кухню. Ощущение неловкости потом долго не проходило, хотя и в сочетании с раздражением. В конце концов, ведь это она пострадавшая, это ей не дали доработать, выгнав из-за любимого стола, с привычного насиженного места.

Совсем поздно, закончив работу, Карина зашла в боль-

шую комнату. За стеной царила мертвая тишина, оттуда не доносилось ни звука. Тихо было и на следующий вечер, и за ним.

А через неделю все повторилось. Теперь Карина смотрела «Поле чудес» и, едва услышав знакомые голоса за стеной, щелкнула пультом и ушла в спальню. Там у нее стоял маленький телевизор. Глупо было надеяться, что такие крики можно чем-то заглушить.

«Вот это соседи!» – в ужасе думала Карина, пытаясь сосредоточиться на любимой передаче, что ей удавалось с трудом.

Потом она закончилась, и в большой комнате за стеной снова стояла удивительная тишина.

Карина отправилась на кухню вскипятить чайник, и тут на глаза ей попало неприлично располневшее мусорное ведро. Мусор был большим вопросом. Выносить его каждый день она очень не любила. Для этого приходилось спускаться по лестнице на ледяную, продуваемую всеми ветрами площадку между этажами. К тому же мусоропровод открывался с трудом, так что Карина каждый раз обламывала об него ногти. Можно было, конечно, перенести эту неприятную процедуру на утро, но она побоялась, что ведро переполнится от яичной скорлупы или пустого молочного пакета. Карина представила, как сыплется его содержимое по дороге к мусоропроводу, вздохнула и, поплотнее запахнув кофту, поплелась в прихожую. Отперла дверь и в недоуме-

нии остановилась.

Внизу, обнимая трубу мусорника и прижавшись к ней лбом, стояла девушка. Она была довольно высокая, что сразу бросалось в глаза, несмотря на ее ссутулившуюся спину. Распущенные прямые, совершенно белые, как у прибалтов, волосы почти полностью закрывали ее лицо.

Карине показалось, что девушка совсем молода, не больше двадцати лет. На узких, почти мальчишеских бедрах, облекая их, словно чешуя, плотно сидели фиолетовые джинсы. Кроме них, на девчонке, к ужасу мерзлячки Карины, была только легкая, тоже фиолетовая футболка с короткими рукавами и надписью «Спорт» на спине. Жалостливое и трогательное впечатление дополняли мужские клетчатые тапки с замятыми задниками, в которых утопали маленькие ступни. До Карины донеслись громкие всхлипывания.

«Так вот кто шумит у меня за стеной», – догадалась она и тихонько кашлянула.

Девушка не обратила на нее ни малейшего внимания, лишь плечи затряслись с новой силой. Карина спустилась на один пролет, аккуратно поставила на пол ведро и сказала мягко, но убедительно:

– Эй! Это плохое место для слез. И уж если плакать именно здесь, то не в такой одежде. Тут градусов шестнадцать, не больше.

Девушка наконец оторвала лицо от мусоропровода. Оно было красным и распухшим от слез. Прямая белая челка па-

дала на глаза, а глаза были голубые-голубые. На курносом носу отчетливо виднелись веснушки, большой рот кривился от усилий сдержать рыдания.

Если бы заплести ей косички, одну повыше, другую пониже, с распутившейся ленточкой, вышла бы форменная Маша-Растеряша, какой ее рисуют в детских книжках. Озорная и непутевая, но, в общем-то, хорошая девчонка.

Маша-Растеряша по-детски шмыгнула носом, ладонью утерла слезы и попыталась улыбнуться.

– Я ваша новая соседка, – пролепетала она.

– Это я уже поняла, – кивнула Карина.

Блондинка еще больше стушевалась.

– Господи, вы, конечно, все слышали. Эти ужасные крики! Мне так неловко, так совестно!

Она на секунду перестала плакать, взглянула на Карину отчаянно огромными, полными горя глазами и тихо, обреченно произнесла:

– Я во всем виновата. Каждый раз даю себе слово, что больше не поссорюсь. Ну не дам себе поссориться! И вот... Я что-то делаю плохо, не так. Но что... не знаю.

Карину больно резануло. Господи, как это было ей знакомо! Сколько раз в эпоху Степана ночами она твердила в подушку, ослепшая от слез, от безнадежности: «Что, что я сделала не так?»

И никогда не приходил к ней ответ на этот мучительный вопрос.

– Пойдем. – Она решительно взяла Машу-Растеряшу за холодное плечо. – Быть виноватой и не знать в чем нельзя. Хочешь поспорить с этим, пожалуйста. Но не здесь. Мы можем подняться ко мне.

– А это удобно? – простучала зубами девушка, и тут только Карина заметила, что ее бьет крупная дрожь.

– Удобно, – твердо сказала она. – Вот только дай-ка я ведро высыплю.

Девушка посторонилась. Слезы больше не струились у нее по щекам, они дрожали на кончиках ресниц и на подбородке, а в глазах Карина прочитала доверие и благодарность.

Такие простые, банальные вещи, но почему иногда они столь необходимы нам, умудренным опытом, прошедшим через многое? Простое доверие, благодарность, с надеждой глядящие на тебя глаза. Почему?

6

Машу-Растеряшу на самом деле звали Леля. Ей действительно было всего двадцать лет, и поселилась она за стенкой с мужем Олегом.

Все это Леля поведала Карине за каких-нибудь пятнадцать минут, сидя за столом на маленькой кухне. Слезы ее давно высохли, от большого стакана чая лицо разгорелось, стало ярко-бордовым. Она болтала быстро, без умолку, как дети. И так же, как они, иногда вдруг прерывисто всхлипывала.

Чем больше Карина слушала ее нехитрый искренний рассказ, тем больше узнавала себя и свою историю.

Леля любила Олега до умопомрачения, до потери над собой всякой власти. Любила так, что боялась. Боялась всего: не угодить, надоесть, показаться глупой. Но больше всего она боялась стать ненужной.

«А ведь они женаты, – с горечью подумала Карина. – Стало быть, и меня бы не спасло замужество. Есть сила в людях, которая не поддается ни штампам в паспорте, ни другим условностям. Она властвует над нами и вышвыривает, когда захочет. Тогда ничто не удержит рядом с тобой твое счастье».

Все, что Карина не понимала, тогда совсем юная и безнадежно влюбленная, теперь представлялось ей ясным и оче-

видным.

«Бедная девочка, – пожалела она про себя. – Ведь она не ведает, как когда-то и я: нельзя быть виноватым в том, что тебя не любят так, как любишь ты. Как нельзя быть виноватым и за то, что не любишь так, как любят тебя».

Карина вздохнула. Леля осеклась на полуслове и вопросительно поглядела на свою утешительницу.

– Я невыносимая! – сказала она с отчаянием. – Впервые увидела человека, приперлась в дом почти ночью и рот не могу закрыть. Ужасно, да?

– Нет, – засмеялась Карина. – Ничего ты не ужасная. Все у вас будет хорошо. Милые бранятся – только тешатся.

– Это не про нас, – тихо возразила Леля, насупившись.

– Ну почему? – неуверенно произнесла она. – И про вас тоже.

– Потому, что мы не милые, – упрямо сказала Леля. – То есть я не милая.

– Скажешь тоже! Зачем же он женился на тебе, если ты ему не милая? Его что, заставлял кто-то?

– Не знаю, – вздохнула Леля. – Вот честное слово, все время спрашиваю себя, зачем. И не знаю. Я думаю... – она замялась, – думаю, запутался он во мне. Вроде как в тряпье, понимаешь? Лежало под ногами ненужное, он и завяз. И трудно распутаться. И лень.

– Что ты такое говоришь! – Карина содрогнулась и тут же вспомнила, как кричала на нее мать: «Тряпка! Тряпка поло-

вая! Тебя на швабру надевать и лужи подтирать!»

– Так нельзя! – уверенно сказала она и зажгла газ под успевшим остыть чайником. – Надо себя уважать.

– Надо, – согласилась Леля. – Но я не могу. И не хочу.

Тут грянул звонок, от которого обе вздрогнули.

– Это он, – громким шепотом сказала Леля, и, протянув руку, нетерпеливо защелкала пальцами. – Господи, какая же я, наверное, жуткая! Скорее, ну скорее же. – Она требовательно помахала ладонью в воздухе.

– Что? – не поняла Карина.

– Дай мне что-нибудь, быстрее, хоть пудру! – истерично выкрикнула Леля. – Я же не могу в таком виде!

– Чокнутая! – пробормотала Карина, у которой невольно затряслись руки от Лелиных окриков, и подсунула свою косметичку, лежавшую на подоконнике.

Леля тут же раскрыла сумочку. Глаза ее жадно загорелись, она что-то приговаривала себе под нос. Карина пожалала плечами и пошла открывать.

«Какая же она дура, – говорила она себе. – И я такая же была – спешно красилась, когда он в дверь звонил».

Она с неприязнью щелкнула цепочкой, распахнула дверь и остолбенела.

Перед ней на пороге стоял... Степан. Та же высокая статная фигура, сухощавое, с впалыми щеками лицо, пепельного цвета волосы и холодные серо-стальные глаза. Но главное, он нисколько не изменился, будто остался в том же возрасте,

когда Карина видела его в последний раз. Даже, наоборот, помолодел.

Но этого не может быть! Ведь прошло целых семь лет.

Карина зажмурилась на мгновение, потом осторожно открыла глаза.

Нет, человек, стоявший в дверях, не был точной копией Степана. Теперь, спустя несколько секунд, Карина увидела отличия: немного другая прическа, более тонкий нос, уже кисти рук, чуть полнее губы. Но все это было именно «чуть» – незначительно, непринципиально. Он мог бы быть младшим братом Степана. Но Карина знала, что у того нет братьев.

Гость посмотрел на нее пристально и с некоторым недоумением, а затем коротко спросил:

– Простите, здесь у вас нету Лели, моей жены?

Только тут Карина наконец поняла: это и есть тот самый Олег, про которого она почти час слушала вдохновенный рассказ. Лелин муж. И ее новый сосед.

«Фантастика, – подумала Карина. – Может быть, это просто оборотень?»

Двойник Степана ждал ответа, спокойно и довольно бесцеремонно разглядывая Карину. Под его взглядом та почувствовала, что заливадается жарким румянцем. С трудом справившись с собой, она сказала:

– Леля у меня. А вы, как я понимаю, Олег. Она рассказала мне о вас. Проходите, она на кухне.

– Спасибо, – сухо ответил Олег, – но сейчас я очень занят.

Пожалуйста, позовите ее сюда.

«Нахал!» – подумала Карина.

Тот, другой, тоже был нахалом и никогда не затруднял себя излишней вежливостью, чем приводил в шок ее шепетильную маму.

– Леля! – крикнула Карина.

Но та уже стояла в коридоре. Глаза и губы, распухшие от слез, были ярко накрашены, покрасневший нос припудрен, и от этого лицо казалось еще более жалким, чем когда оно было просто зареванным.

– Я иду, Олежка, уже иду. – Карине показалось, что даже голос изменился, стал более певучим и нежным.

Леля бочком прошла мимо Карины по узкому коридорчику, подошла к мужу, прижалась к нему, спрятала лицо на груди.

Карина, почувствовав себя лишней в этой трогательной сцене примирения, неловко переступила с ноги на ногу и посмотрела на Олега. На его лице отразилась досада. Он осторожно отстранил от себя Лелю и пробормотал:

– Ну все, все, ладно. Неудобно. Пойдем, мы мешаем людям отдыхать.

– Вовсе нет, – вежливо возразила Карина. – Мы очень подружились с вашей женой. А из людей здесь я одна. Так что... приходите еще, когда будете посвободнее.

«Зачем я это говорю? – мелькнуло у нее в голове. – Те-

перь, не дай бог, они воспримут это буквально, особенно Леля, которой нужно выговориться. И для чего я расшаркиваюсь перед этим наглецом?»

– Мы обязательно придем, – как бы в подтверждение ее слов тут же ответила Леля. – Правда, Олег, мы придем?

– Конечно, конечно, – поспешно отмахнулся он от нее. – Большое спасибо. Извините за беспокойство.

Леля помахала на прощание Карине, обняла мужа, и они скрылись за дверью.

– Ах, «извините» он все-таки знает! – в сердцах сказала Карина захлопнувшейся двери и пошла в кухню.

Ее косметика лежала, аккуратно выстроенная в ряд, на столе, словно строй игрушечных солдатиков: пудра, тени, румяна, за ними тушь и губная помада. Рядом стояла кружка с недопитым чаем.

Карина в задумчивости опустила на табурет, машинально переставляя лежащие на столе предметы, меняя их местами, словно играя в шашки.

Вот значит, как бывает! Лелина история не просто напоминает историю самой Карины. Олег, всецело подчинивший своей воле молоденькую жену, как две капли воды похож на того, кто когда-то так же поработил Карину.

Она почувствовала беспокойство. Нет, конечно, она больше не зависит от Степана. Прошло столько лет – боль исчезла, опустошила, растерзала ее сущность, но исчезла, прошла. И воспоминания ей были теперь не страшны. Но все-таки

покой, который Карина завоевала такой дорогой ценой, был сейчас нарушен этим невероятным, почти мистическим явлением.

Ночью Карина почти не спала. Ей удавалось задремать на полчаса, и тут же ее словно что-то встряхивало, подбрасывало на постели.

Наконец, в пять часов утра измученная, обессиленная, она закуталась в халат и вышла на кухню. Накапала в стакан двадцать пять капель валокордина, выпила, снова легла.

Сон наконец пришел. Крепкий, сладкий утренний, который безжалостно прервал будильник.

Карина открыла глаза, и ей показалось, что голова сейчас лопнет от боли. С трудом она поднялась, приняла холодный душ и, даже не завтракая, собралась на работу.

День тянулся мучительно долго. Голова болела все сильнее и сильнее. Не помогла ни таблетка, ни стакан крепкого сладкого чая. В какой-то момент Карина почти отключилась. А очнувшись, поймала себя на том, что громко кричит на ученицу. Та смотрела на нее испуганно и недоуменно, глаза ее наливались слезами.

Карина, крайне редко повышавшая голос, слыла одним из самых лояльных педагогов фортепьянного отдела. Сейчас она с ужасом, будто со стороны, услышала, как вылетают изо рта грубые и оскорбительные слова.

С трудом она заставила себя остановиться.

Придя домой, Карина выключила телефон, переоделась,

выпила еще одну таблетку и блаженно вытянулась на кровати, плотно задернув шторы. Тихая, густая темнота охватила ее, точно мягким покрывалом, окутала голову, слегка облегчая боль.

Постепенно лекарство стало действовать, и через минут сорок Карина уже чувствовала себя сносно. Она стала раздумывать, не почитать ли ей купленный накануне новый роман или посмотреть по телевизору фильм, склоняясь более ко второму.

И тут в дверь позвонили.

Это было как гром среди ясного неба. Никого видеть Карина была не в состоянии. При одной мысли о том, что надо встать, открыть дверь, с кем-то разговаривать, ее забил озноб. Звонок повторился, чуть слабей, неуверенней. Видно, звонивший понял, что визита здесь не ждут.

«Верка?» – подумала Карина. Они не виделись почти месяц. Почему не позвонила, прежде чем приехать? Тут она вспомнила про отключенный телефон.

Или не Верка? Вряд ли она поедет вечером в такую даль, если ничего, конечно, не случилось.

Тогда, наверное, Саша. Только его сейчас не хватало!

Карина поплелась в коридор и, проклиная все на свете, открыла дверь.

На пороге стояла Леля, веселая, улыбающаяся, в великолепно сидящих на ее длинноногой фигуре черных расклешенных брюках и белой обтягивающей кофточке. Светлые

волосы были забраны в тугой узел на макушке.

Гладкая прическа в сочетании с высоким ростом делала Лелю похожей на манекенщицу. На лице и следа не было от вчерашних слез, глаза сияли, на щеках горел румянец.

«Да она красавица, – невольно восхитилась Карина. – Вчера я ее просто не разглядела как следует».

– Здравствуйте, – радостно улыбнулась Леля. – Я не помешала?

– По-моему, мы вчера были на «ты», – сказала она, – проходи.

– Нет-нет, – замахала руками Леля. – Я совсем не то хочу. Пошли, отметим наше знакомство. Олег сегодня дома, еще совсем рано. Пойдем?

– Даже не знаю, – замялась Карина. – Я ведь уже под-домашнему, да и устала что-то...

– Ой, жалко как! – Лелино лицо вытянулось от огорчения. – А я уже и стол накрыла. К нам ведь можно по-простому, без марафета. Может, все-таки зайдешь?

«Без марафета! – подумала Карина. – К вам, таким ослепительным, без марафета нельзя. Не то почувствуешь себя старой галошей. О господи, как не хочется снимать халат, снова краситься, надевать на лицо дежурную улыбку!»

Леля смотрела на нее с надеждой, почти с мольбой. Карина вздохнула.

– О'кей, – сказала она. – Сейчас приду. Только приведу себя в порядок. Ждите через пятнадцать минут.

Удовлетворенная соседка ушла, а Карина, немного подумав, надела костюм, в котором была сегодня на работе – трикотажное платье до колен и жакет такой же длины. Ни во что более экстравагантное ей облачаться не хотелось. Она слегка подкрасилась, достала из холодильника большую плитку шоколада, которую позавчера принесла ей Оля, и позвонила в соседскую дверь.

8

Квартира была точь-в-точь такой же по метражу, но отличалась расположением комнат.

Они были полупустые, и Леля объяснила, что сначала они с Олегом собираются сделать ремонт, а уж потом обзавестись новой мебелью.

Карина прошла мимо плотно закрытой двери спальни в гостиную. Там стоял покрытый скатертью стол, на котором красовались торт, пара салатов и в центре бутылка шампанского.

– Садись, – пригласила Леля, и Карина уютно устроилась на том самом цветастом диване, который не так давно вместе с ней поднимался по лестнице.

– Олег сейчас придет, – сказала соседка, – ему по работе позвонили, что-то очень важное.

– А кем он у тебя работает? – поинтересовалась она.

Она была уверена, что местом работы Лелиного мужа является какой-нибудь банк или крупная фирма. Такие мальчишки в этой жизни не пропадают и на окладах государственных не сидят.

– Ой, ты не поверишь! – радостно всплеснула руками Леля. – Он у меня скрипач. Концертмейстер Российской капеллы. Очень, кстати, хороший скрипач. Вот так!

– Здорово, – улыбнулась Карина.

– А ты кем работаешь? – спросила Леля и уселась рядом на диван.

Она вздохнула про себя, усмехнулась и сказала:

– И ты не поверишь, но я тоже музыкант.

– Надо же! – воскликнула Леля. – Тоже скрипачка?

– Нет, пианистка.

– Выступаешь с концертами?

Карина от души расхохоталась. Сразу видно, что Лелина профессия не связана с музыкой. Иначе бы она знала, как мало пианисток выступают с сольными концертами. В основном все они обыкновенные училки фортепьяно.

– Нет, Лелечка. Я поскромнее буду. Преподаю в нашей районной музыкальной школе.

– Это тоже здорово, – восхитилась Леля, – детишек музыки учить! По-моему, это прекрасно.

– Конечно, прекрасно, – согласилась Карина, сразу вспомнив Эвелину Малютину и Васю, и добавила: – Правда, не всяких.

– А я ведь тоже человек творческой профессии, – призналась Леля.

– Художница? – предположила Карина.

– Нет. Я балетное училище окончила.

Вот, значит, откуда у Лели такая выправка! Стройные мускулистые ноги, высоко поднятая голова и открытая по-балетному шея.

– Так ты балерина? – изумилась Карина.

– Я сейчас не работаю, – ответила Леля, нарезая хлеб.

– Почему?

– Да... – Та махнула рукой. – В Москве в приличное место трудно устроиться, да и если даже возьмут – это ж пахать с ночи до зари. А Олежке нужен уход – он вон как занят. Как о нем заботиться, если я буду приходить как выжатый лимон? Правда? – Она вопросительно посмотрела на Карину, как бы ожидая от нее одобрения.

– Правда, – согласилась та и неуверенно прибавила: – Но можно, наверное, работать, не так выкладываясь? Преподавать, например?

– Ой нет, – возразила Леля, – из меня педагог никакой. Я себя-то никогда заставить заниматься толком не могла, а других... Нет, нет! А вот и Олег! – внезапно просияла она.

Карина перевела взгляд на дверь и увидела вчерашнего позднего гостя. Лицо его было таким же угрюмым и непроницаемым, как накануне. Серые глаза смотрели неприветливо. Он слегка кивнул Карине и уселся за стол, напротив нее и Лели.

– Представляешь, Олег, Карина – тоже музыкант. Она пианистка, работает в детской музыкальной школе, – тут же сообщила Леля.

– Это замечательно, – коротко ответил Олег, и было непонятно, шутит он или говорит всерьез.

Леля протянула ему запотевшую бутылку, и он открыл ее быстро, легко, но не торопясь, точными уверенными движе-

ниями, до боли напомнив Степана. Тот тоже делал это виртуозно.

Раздался легкий хлопок, из бутылки показалось облачко, и Олег ловко разлил золотистую жидкость в три красивых стеклянных фужера на тонюсеньких ножках.

– Ну, – сказал он, поднимая свой бокал, – за знакомство!

– За знакомство! – подхватила Леля. – Ура!

– За доброе соседство, – присоединилась к ним Карина.

В этот момент ей почему-то страстно захотелось уйти к себе домой. Она с тоской подумала, что у нее совершенно нет сил сидеть здесь, в чужой квартире, с незнакомыми людьми под колючим взглядом Олега.

Время, однако, летело быстро и незаметно.

В основном это была заслуга Лели. Она двигалась по комнате легко и бесшумно, быстро и незаметно переставляла тарелки на столе, говорила Карине кучу приятных вещей, которые из ее уст звучали совершенно естественно, без лицемерия и фальши.

В нужный момент включилась тихая, успокаивающая музыка, зажглась красивая ароматная свеча, а под рукой у Карины оказалась чашка дымящегося кофе.

К концу вечера она почувствовала себя отдохнувшей и даже развеселилась. Леля ушла на кухню заваривать чай, и Карина украдкой посмотрела на Олега, который почти все время просидел молча, вставив в общий разговор не более десяти слов.

Неожиданно он перехватил ее взгляд, улыбнулся – скупое, одними губами – и проговорил:

– Ну что, мы, выходит, с вами коллеги?

– Мы с Лелей на «ты», – сказала Карина.

– С тобой, – поправился Олег. – Приходи, что ли, в субботу к нам на концерт. Хороший, эта программа – последняя в сезоне. Придешь?

В субботу в школе был педсовет, но Карина вдруг твердо решила его прогулять. Пусть начальство хоть лопнет от злости!

Решено и подписано – она идет на концерт. Сто лет не слушала настоящей живой музыки!

– А что вы играете? – спросила Карина.

– Первое отделение – Гайдн, второе – Чайковский.

– Приду, – пообещала она.

В дверях с подносом в руках показалась Леля.

– Так и молчите? – весело спросила она, расставляя изящные чашки и блюдца.

– Нет, – ответила Карина, – мы не молчим. Твой муж пригласил меня на концерт в субботу.

– И ты согласилась?

– Да.

– Значит, пойдем вместе! Я ведь тоже собиралась. Кариночка, ты – прелесть!

Леля повисла у нее на шее. Та неловко улыбнулась и поймала на себе пристальный и насмешливый взгляд Олега.

9

Концерт начинался в семь. Леля зашла за Кариной в половину шестого. На ней был сногшибательный брючный костюм темно-сиреневого цвета, явно демонстрирующий, что юбкам она предпочитает брюки. Что ж, неудивительно, с такими-то стройными бедрами и длинными ногами.

Голову Лели по-прежнему украшала гладкая балетная прическа, красиво открывающая длинную шею.

Рядом с ослепительной и высокой соседкой Карина сразу почувствовала себя старой, невзрачной и маленькой.

«А, да ладно, – подумала она, – уж что природой дано. Не убиваться же по высокому росту, белым волосам и ногам от шеи».

Однако она тоже тщательно накрутилась, уложила волосы и надела выходное платье. Общий вид получился контрастным, и от этого они обе почувствовали себя особенно уверенными и привлекательными.

Места были в пятом ряду партера. Пока концерт не начался, Карина, слушая Лелину болтовню, с удовольствием разглядывала свой любимый Большой зал консерватории, в котором не была уже года три, а когда-то посещала чуть ли не каждый месяц. Она ощущала приятное легкое волнение – как бывает в ожидании хорошего сюрприза.

На сцену стал выходить оркестр, и Карина сразу увидела

Олега. Он шел первым, высокий, широкоплечий, в отлично сидевшем на нем черном фраке. Волосы были зачесаны назад, только две пряди по бокам спадали на лоб.

Она почувствовала, как рядом с ней замерла от восторга Леля, резко прекратив разговор.

– Вот он, – зашептала та ей в ухо после секундной паузы. – Правда, он у меня самый красивый? Посмотри, больше таких нет во всем оркестре.

– Тихо, – попросила Карина, – они сейчас начнут. Я хочу послушать музыку.

Леля покладисто кивнула и, вздохнув, заерзала на стуле.

Вышел дирижер, поклонился и взмахнул палочкой. Карина сидела, внимательно вслушиваясь в музыку Гайдна, и ее охватывало легкое разочарование.

Да, безусловно, оркестр играл профессионально, точно, слаженно, с хорошим вкусом. Но Карину эта игра почему-то не задевала. Через пять минут она поймала себя на том, что отвлекается, рассматривая блестящие трубы органа, платье на скрипачке за третьим пультом, сверкающую розовую лысину дирижера. И это было плохим признаком.

«Вряд ли дело в оркестре, – подумала Карина с грустью. – Дело во мне. Я просто перестала быть музыкантом, профессионально деградировала. Естественно – если каждый день слушать лишь детские пьески в отвратительном исполнении и самой не играть...»

– Нравится? – громким шепотом спросила Леля.

– Очень, – вежливо ответила Карина и вздохнула.

В антракте Леля потащила ее в артистическую. Напрасно Карина сопротивлялась, как могла, убеждая, что чувствует себя неловко и лучше им пойти в буфет: та не могла смириться с тем, что Олег находится рядом, а она его не видит.

В артистической Лелю все знали. С ней приветливо здоровались, шутили, ее обнимали и целовали.

Карина с интересом разглядывала отдыхающих оркестрантов: мужчины сидели, сняв пиджаки, женщины толпились у зеркала, поправляя макияж и прически. Олега среди музыкантов не было.

– Туда, – показала Леля куда-то вбок, и они зашли в маленькую комнатку.

Там у раскрытого окна стоял Олег, а рядом с ним черноволосый полноватый парень. Оба о чем-то тихо разговаривали и курили.

Черноволосый увидел девушек первым, и лицо его расплылось в широкой улыбке.

– Олечка, – проговорил он, чуть пришепетывая, – к тебе пришли. Здорово, отлично выглядишь. – Парень подошел к Леле, расцеловал ее в обе щеки и с любопытством уставился на Карину.

– Это твоя подружка?

– Это наша новая соседка! – весело ответила Леля.

– Очаровательная соседка у тебя. – Черноволосый обернулся к Олегу, который так и стоял у окна, молча курил и

странно улыбался, одними краешками губ.

– Это Карина, – затараторила Леля, – а это Вадим, Олежкин друг. Знакомьтесь.

– Очень приятно. – Парень галантно взял ее руку, поднес к губам и поцеловал. – Как тебе везет, Ляшко! Жена – Мисс Вселенная, и соседки попадаютя – ну просто высший класс. Девушка – супер!

Он захохотал, и Карина почувствовала раздражение от этого пошлого комплимента. Что-то в буйной веселости Вадима выглядело неестественным, по-театральному наигранным. Карина приготовилась сказать какую-нибудь колкость, чтобы поставить его на место, но тут Олег спокойно проговорил:

– Заканчивай, Вадим. Вспомни-ка лучше о штрихах.

К удивлению Карины, тот тут же посерьезнел, вежливо поклонился ей и отошел, будто Олег был его начальником и отдал приказ, требующий беспрекословного подчинения.

– Второе отделение будет лучше, – сказал Олег, и Карине показалось, что обращается он не к ним с Лелей, а персонально к ней, будто откуда-то мог знать, что первое ей не понравилось.

Она неопределенно пожала плечами, не решаясь ничего ответить, чтобы не обидеть Олега.

– Ну мы вас навелили, теперь пойдём в зал, – засобира-лась Леля. – Ни пуха вам, ни пера!

– К черту, – отозвался Вадим, а Олег молча кивнул.

Публика постепенно стекалась к своим местам, до Карины долетали восторженные отзывы о Гайдне, но слушать второе отделение ей совершенно не хотелось.

Почему-то она никогда не любила Пятую симфонию Чайковского – ее музыка казалась Карине слишком громоздкой, патетической, а местами чересчур слезливой. К тому же она устала от шумной многословной Лели, и ей захотелось домой.

Снова вышел дирижер. На мгновение наступила неправдоподобная, звенящая тишина. А потом грянул аккорд – мощный, стройный, ошеломляющий.

Карина невольно вздрогнула, пальцы впились в спинку кресла из четвертого ряда. Со сцены неслись властные, подавляющие звуки. В них не было ни грамма сентиментальности, только боль и яростная сила, сметающая все на своем пути, которой нельзя было не подчиниться.

Она слушала и не узнавала знакомую с юности музыку. Это была трагедия, но стойкого, необыкновенно смелого человека, знающего, что он обречен, и бросающего вызов небесам.

Одна за другой пролетели все четыре части.

Карина опомнилась, лишь когда отзвучал последний аккорд финала.

Похолодевшими руками она продолжала сжимать деревянную спинку кресла. Словно сквозь пелену ей было видно белое как мел лицо Олега и застывший над ним в воздухе

СМЫЧОК.

– Bravo! – Зал взорвался аплодисментами, перешедшими в овацию.

Дирижер кланялся, пожимая руку Олега, затем кланялся весь оркестр, и так повторялось несколько раз, пока публика не оправилась от восторга.

Возбужденные, с разгоревшимися лицами Карина и Леля вышли на улицу. Им так хотелось глотнуть свежего воздуха, что они решили дожидаться Олега во дворе консерватории, у дверей служебного входа.

На улице уже стемнело, дул прохладный ветерок, народ толпой валил из центрального входа, оживленно обсуждая прошедший концерт.

Девушки молчали, погруженные в свои мысли.

Карина не могла оправиться от потрясения, вызванного исполнением Чайковского. Подобное она слышала раз в жизни, когда вместе с компанией студентов-однокашников провалилась на концерт Мравинского.

Дверь служебного входа распахнулась, и появился Вадим, а за ним Олег. Они уже переоделись: на Вадиме было черное длинное пальто, а на Олеге джинсы и темно-зеленая куртка.

– Так быстро! – обрадовалась Леля. – Еще никто не вышел.

– А мы передовики, – засмеялся Вадим. – Ну как, второе отделение понравилось?

– Очень, – сразу горячо ответила Карина.

Олег насмешливо прищурился и закурил. Ее это задело, и она сказала сухо:

– Я редко говорю комплименты, но всегда искренне. То,

что я сейчас слушала, было гениально. Тот самый случай, когда работает не безупречный профессионализм, а обнаженный нерв.

– Это наш гениальный Олежка. – Вадим похлопал друга по плечу. – Его обнаженный нерв. Знаете, сколько крови он у нас выпил во время репетиций?

– Значит, ваша кровь пошла ему на пользу, – усмехнулась Карина.

– Конечно, конечно. – Вадим кивнул.

Леля молчала, по обыкновению обнимая Олега и прижимаясь к нему.

– Народ! А что же, мы не отметим такой концерт? – огорчился Вадим, видя, что развеселить компанию не удастся.

– Что ты предлагаешь? – оживилась Леля.

– Тут недалеко открылся чудесный ресторанчик – народу немного, кормят великолепно, можно потанцевать.

– Ой, я хочу танцевать! – обрадовалась Леля. – Пойдемте! Кариночка, ты с нами? Ведь правда, такое надо отпраздновать!

– Я-то пойду, – согласилась Карина и подумала: «Сплю с чужим мужем, отцом троих детей, гуляю с молодежью – вот до чего докатилась». – Я-то пойду, – повторила она, искоса поглядывая на мрачного Олега, сосредоточенно дымившего сигаретой, – а вот твой супруг? Может, он устал?

Олег удивленно вскинул голову.

«Так тебе! – удовлетворенно отметила Карина. – Не бу-

дешь насмешничать и стоять как истукан, когда тебя обнимает любящая женщина!»

– Нет, почему, – пробормотал он, – я вовсе не устал и согласен. Зачем идти против большинства?

– Ну и чудесно, – прощebetала ничего не заметившая Леля. – Тогда пошли быстрее, кажется, уже накрапывает дождь. А мы без зонтиков.

Ресторанчик, куда привел их Вадим, находился в подвале и напоминал больше бар или кафе-погребок. Там было накурено и шумно, но еда оказалась действительно вкусной, и весь вечер играла негромкая хорошая музыка.

Все портил Вадим, который сразу же изрядно набрался и начал одолевать Карину дешевыми хохмами и сальными любезностями. Она терпела, терпела и, наконец, не выдержав, всерьез пообещала уйти, если он не прекратит.

– Понял, понял. – Вадим закивал, быстро и часто, как китайский болванчик. – Что ж, меня здесь не хотят – ну и не надо. Лелька, пойдем танцевать!

Леля, которая тоже выпила за вечер немало и сидела покрасневшая, с блестящими глазами, охотно встала, и они с Вадимом, слегка покачиваясь, ушли поближе к эстраде.

Олег проводил их насмешливым непроницаемым взглядом и снова закурил. Некурящая Карина вновь почувствовала себя скованно и стала подумывать, не отойти ли ей в туалет и там подождать, пока Вадим с Лелей натанцуются. Но тут Олег неожиданно спросил:

– Может, нам тоже стоит пойти танцевать?

– Ну не знаю, – проговорила Карина с сомнением. – Мы же вроде не такие пьяные.

Она выпила лишь несколько бокалов красного вина и совершенно не чувствовала воздействия алкоголя. Олег, несмотря на то что они на пару с Вадимом почти прикончили бутылку коньяка, тоже выглядел абсолютно трезвым. Глаза его смотрели на Карину пристально и с холодком.

– Ты что ж, считаешь, жизнь улыбается только пьяным? – Он усмехнулся и наклонился к ней над столом.

– Но ведь еще Блок написал: «In vino veritas» – истина в вине.

– Да, – задумчиво протянул Олег, – кто знает, может, он и прав.

Он помолчал немного, стряхнул пепел и сказал таинственно:

– Хочешь совет?

– Какой? – опешила Карина.

– Обыкновенный. Житейский. Будь проще – это облегчает жизнь.

Карина захлебнулась от возмущения. Не хватало, чтобы этот нахальный удачливый плейбой стал ее поучать!

– Знаешь, – произнесла она ледяным тоном, – я в твоих советах не нуждаюсь.

– И напрасно, – весело проговорил Олег. – Я иногда даю очень дельные.

Карине почудилось, что ему доставляет удовольствие ее злость. Мрачное выражение сошло с его лица, он улыбался, разглядывая ее в упор и словно забавляясь этим нелепым разговором.

Она с деланным равнодушием пожала плечами:

– Если это шутка, то глупая до неприличия.

– К черту приличия, – небрежно произнес Олег.

– Вот это уж совсем не по-джентльменски, – язвительно сказала Карина, изо всех сил стараясь не стушеваться под его откровенно-насмешливым взглядом.

– А я и не претендую на звание джентльмена, – спокойно проговорил он.

Она не нашлась, что ответить, и промолчала, с преувеличенным вниманием разглядывая узор на крахмальной скатерти.

Совершенно очевидно: Олег поставил целью довести ее до белого каления и явно в этом преуспел. Но зачем ему все это? Развлекается скуки ради? Срывает на Карине свою усталость после концерта?

Она лихорадочно искала, что бы такого сказать обидного и едкого, но в голову ничего путного не приходило.

– О чем задумалась? – Его голос прозвучал чуть мягче, он наклонился к Карине совсем близко.

– Да так, о своем. – Она решительно подняла на него глаза. – И еще о том, сколько нахальства бывает в некоторых людях.

– Насчет нахальства – это ты, конечно, меня имеешь в виду?

– Кого ж еще? – Карина усмехнулась и не торопясь налила в бокал минералки.

– Ну и зря, – неожиданно серьезно произнес Олег. – Я вовсе не нахал. Сказать, кто я?

– Ну... да. – Она неуверенно кивнула.

– Я – странник, пришедший в этот мир познать истину, – проговорил Олег нараспев и, увидев, как вытянулось ее лицо, тихо засмеялся. – Шучу, шучу. Не бойся, я не шизофреник. Просто процитировал одного очень любимого мной философа и поэта... А вот и Лелька идет. – Он указал на приближающихся к ним Лелю и Вадима. – Тебе не кажется, что они отлично спелись, то есть станцевались?

Олег больше не казался Карине ни высокомерным, ни наглым. Улыбка на его лице была страдальческой, вымученной, и сам он выглядел растерянным, точно лишился своей защитной оболочки.

Карина неожиданно для себя спросила:

– Зачем ты ссоришься с ней? Вы же... – Она не договорила, потому что увидела, как его лицо скривилось точно от боли.

– Зачем? – переспросил Олег. – Вправду, зачем? Если б знать, Карин, если б знать...

– Ну что, трезвенники, – Вадим плюхнулся на свое место, – все философствуете? Зря. Пошли бы лучше, подвига-

лись, как мы! Правда, Лелечка?

Леля пьяно улыбнулась и придвинула свой стул поближе к мужу. На лице у того снова появилось прежнее, отчужденное от мира и замкнутое выражение, и Карине не верилось, что минуту назад она видела его другим. А может, ей это показалось?

В понедельник у Карины произошло столкновение с Бурцевой. Та пригласила ее в кабинет и принялась отчитывать за неявку на педсовет.

– У меня была уважительная причина, – твердо сказала она.

– Какая? – Завуч смерила ее пронзительным взглядом. – Вы что, плохо себя чувствовали?

– Напротив, – Карина невозмутимо улыбнулась, – хорошо. Я слушала замечательный концерт в БЗК. Играли Чайковского, и это было изумительно.

– И это ваша причина? – поджала губы Бурцева.

– Да. Разве она не кажется вам убедительной?

– Нисколько. – Завуч вынула из папки чистый лист бумаги. – Пишите объяснительную на имя директора. Нам всем хочется послушать концерты, но это не означает, что можно пропускать служебные мероприятия.

– По-моему, для музыкантов главным мероприятием всегда остается музыка, – пожала плечами Карина, доставая ручку.

– Это по-вашему, – отрезала завучиха.

Объяснительную Карина написала, положила ее на стол и пошла работать, ничуть не раскаиваясь в своем поступке.

Вечером, едва она вернулась домой, в дверь позвонили.

Это, конечно, оказалась Леля, и Карина вдруг поняла, что весь день подсознательно ждала ее прихода.

У Олега была вечерняя репетиция, и Леля напросилась в гости. Они с Кариной приготовили себе легкий ужин, болтая, уничтожили его и сели смотреть телевизор.

Рядом с Лелей весь вечер Карина ощущала давно забытый уют. Как это, оказывается, прекрасно, когда за ужином можно с кем-то разговаривать и к ночи от постоянного молчания не садятся связи, можно вот так, вместе, мыть посуду и смеяться над любым пустяком!

С тех пор как умерла мама, все эти незаметные на первый взгляд мелочи ушли из ее жизни, и только сейчас она поняла, как много была лишена долгие годы.

Словно прочитав Каринины мысли, Леля удобнее устроилась на диване перед телевизором и, вытянув на пуфике красивые ноги, сказала:

– Ты не поверишь, сколько раз я мечтала, чтоб у меня была старшая сестра. Чтоб мы вот так сидели вместе долгими вечерами и говорили обо всем.

– А ты была одна? – спросила Карина.

– Нет, – со смехом ответила Леля, – конечно же, нет. Но вместо любимой сестры у меня было три противных младших брата. Ты знаешь, что это такое – трое мерзких, озорных, нахальных мальчишек? Нет, ты этого не знаешь, и слава богу! – Леля пнула пуфик. – Вечно раскуроченная губная помада, склеенные новые колготки, подло подслушанные те-

лефонные разговоры. Лучше об этом не вспоминать!

– А мама? – спросила Карина. – Вы с ней не дружили?

– А, мама! – махнула рукой Леля. – Ей было вечно некогда. У нее ведь отчим – единственный свет в окошке. Ну их! И говорить не хочется. Из-за них я с пятнадцати лет по интернатам и общагам мотаюсь. – Леля задумалась и замолчала, покачивая пуфик ногой.

– Он приставал к тебе? – догадалась Карина.

– Ага, – кивнула та. – Я ведь в интернате жила, когда в балетном училась. Приехала на каникулы – как раз мне пятнадцать исполнилось. А мать в больнице лежит с нашим младшим – то ли ангина, то ли скарлатина – не помню. Ну он и полез. Красивый мужчина, ничего не скажешь, военный. Мать как кошка в него влюблена была. И сейчас так. А я его, знаешь, по морде тапочкой огрела – честно, честно! Не веришь? – Леля весело захохотала. – Прямо тапочкой по усам – у него черные, шикарные, как у Никиты Михалкова.

– А он? – тоже смеясь, спросила Карина.

– А он – ничего. Смутился и в ванной заперся. Я – к матери в больницу. Не буду с вами жить, говорю. Уеду обратно в интернат.

– И что?

– Уехала. Хоть каникулы только начались.

– И она тебя не остановила? – удивилась Карина.

– Даже не спросила, почему я уезжаю. Хочешь – пожалуйста. И весь разговор. Вот с тех пор я дома только наездами

бываю. В общаге, у подружки, с Олегом познакомилась. Слушай, – Леля выпрямилась на диване и нагнулась к Карине, – тебе Олежка нравится?

– Как это? – не поняла та.

– Ну так. Обыкновенно. Как мужик? Он всем нравится – знаешь, как в общаге к нему девки клеились? Жуть. Рады были бы, стервы несчастные! – Леля мстительно и торжествующе сверкнула глазами.

Карину покорило от ее тона, точно Леля повернулась к ней другим боком и оказалась в этом ракурсе косая, кривая и с крючковатым носом. Перед Кариной сидела ушлая, выдавшая виды общежитская девчонка, привыкшая каждый день бороться за существование и готовая уничтожить конкуренток любой ценой.

Леля вопросительно глядела на нее, ожидая ответа.

– Как тебе сказать, Лелечка, – мягко начала Карина. – Это ведь сложно, избирательно. Нравиться может внешность, а человек при этом – нет. И наоборот. Понимаешь?

– Неа, – искренне удивилась Леля. – Неужели тебе Олежка совсем не нравится? Нисколечко?

– Да, Леля же! – рассердилась Карина. – Прекрати! Я не знаю даже, что тебе ответить: скажешь «да» – ты обидишься и станешь ревновать, «нет» – тоже плохо, расстроишься, что не оценила твой великолепный выбор. Так что, извини, я промолчу.

– Хорошо, – согласилась Леля и добавила с тихим вздо-

хом: – Ты прости, если я говорю глупости. Это у меня с детства – ногами бог не обидел, а вот умом обделил. Может, мы и ссоримся из-за этого с Олежкой?

Она погрузилась и вновь принялась раскачивать пуфик.

Карине стало жаль ее, особенно теперь, когда Леля рассказала историю своего детства и юности. Что ж удивительного, если у нее нет хороших манер и блестящего интеллекта? Только, наверное, Олегу с ней трудно общаться. С его-то цитатами из философов и прочими наворотами!

«Впрочем, – решила Карина, – для счастливой семейной жизни красоты, живости и страсти вполне должно хватать, а этих качеств у нее в избытке».

Они еще долго сидели в этот вечер. Леля больше говорила, Карина – слушала, и каждой нравилось именно то, что он делает. Около десяти часов вернулся Олег, уставший и немногословный, и увел Лелю домой.

12

С этого дня жизнь начала меняться. В нее постепенно входила Леля: со своими милыми странностями, веселым детским смехом, бурными слезами, а главное – искренней привязанностью к своей соседке.

Олег работал почти каждый вечер допоздна, и у Карины с Лелей вошло в привычку коротать их вместе. Они занимались чем угодно: ходили по магазинам, вместе готовили, пекли пироги, смотрели телевизор и просто болтали. Скоро Карина знала о Леле и Олеге почти все.

Семья Олега, состоящая из стареньких отца и матери, жила в Свердловске. Лелины мать, отчим и братья два года назад переехали в Зеленоград, и Леля доучивалась в Москве. С Олегом они познакомились случайно – Лелю пригласила на день рождения сестра подруги по училищу.

Сестра была арфисткой, жила в консерваторском общежитии. Там и гуляла большая веселая компания.

Лелиным соседом по столу оказался Олег, и ей хватило трех часов, чтобы влюбиться в него по уши.

А вот чтобы он женился на ней, понадобился целый год. Но Леля не привыкла отступать, да и некуда было: она уже понимала, что не просто хочет Олега, а болеет им, тяжело и безнадежно, без единого шанса на выздоровление. Все, что было до того в ее недлинной бесшабашной жизни – ерунда,

лишь вступление, прелюдия к самому главному и настоящему.

Она боролась, стиснув зубы, игнорируя унижения, не гнушаясь подлости по отношению к соперницам. И победила.

Но оказалось, что победа эта – не конец испытаниям, выпавшим на ее долю, а начало новой борьбы и испытаний. Леля добилась лишь права быть рядом с Олегом, но на него самого, его душу, так и не получила.

Все это Леля обсуждала с Кариной много раз и особенно после их с Олегом ссор, повторявшихся с ужасающей регулярностью.

С самим Олегом Карина почти не общалась. Он никогда не заходил к ней в гости вместе с Лелей, даже в те редкие дни, когда бывал свободен. Заглядывал лишь поздним вечером, коротко здоровался и ждал в коридоре, пока Леля выйдет из комнаты или кухни, чтобы забрать ее домой.

Карина иногда вспоминала их странную стычку в ресторане, его холодную ироничность, свою растерянность. Почему-то теперь, задним числом, ей стало казаться, что Олег затеял тот разговор не случайно и вовсе не с целью обидеть ее или причинить боль.

Возможно, его насмешливый, язвительный тон был лишь средством привлечь к себе ее внимание. На самом деле Олега волновали серьезные проблемы, которыми он почти готов был с ней поделиться, но возвращение Лели и Вадима помешало.

Так или иначе, больше попыток завязать с Кариной беседу Олег не предпринимал, при встрече окидывал ее равнодушным взглядом и отводил глаза. В такие минуты он особенно напоминал Степана своим угрюмым, отрешенным видом. Внутри у нее что-то напрягалось, пальцы рук делались холодными, к щекам, напротив, приливал жар. Она злилась на себя, старалась изо всех сил обрести спокойствие, но не могла.

Больше всего ее волновало: вдруг Олег заметит, что с ней происходит в его присутствии. Однако он ничего не замечал, погруженный в не ведомые никому мысли, и Карина была этому несказанно рада.

Так потихоньку подкралось лето. Позади остались экзамены в музыкальной школе, оказавшиеся в этом году особенно тяжелыми и выматывающими.

В июне Олег уехал с оркестром в Испанию, взяв с собою Лелю.

Карина сдала дачу и купила на июль путевку в Сочи в пансионат. В ожидании отпуска она решила заняться косметическим ремонтом квартиры: переклеить обои в кухне и коридоре, облетевшую побелку заменить потолочным покрытием. Саша вызвался помочь ей в этом важном деле. Он отправил семью к теще в деревню, а сам работал в Москве.

Поначалу все было хорошо. Они с Кариной дружно ободрали обои, развели клей и увлеченно поклеили одну стену. Потом Саша предложил прерваться на «рекламную паузу».

Пауза затянулась надолго, так что в этот вечер работа была приостановлена. Так же продолжалось и в другие дни. Опьяненный свободой от семьи, Саша был неутомим.

Карина же привыкла, что в учебном году они видятся редко, и вскоре его постоянное присутствие в квартире стало ее раздражать.

Они только приступили к коридору, как между ними разгорелась крупная ссора, которую, по справедливости сказать, Карина спровоцировала сама и безо всякой причины.

Саша слегка опешил от ее сварливого и язвительного тона, но не обиделся, а сказал мягко и примирительно:

– Каринка, это у тебя педагогическое. Все училки бывают стервами от большой нагрузки. Наверное, тебе тяжело давались экзамены.

Карину эти невинные слова взбесили еще больше, и она потребовала, чтобы он удалился в деревню к своей большой и дружной семье.

– Когда остынешь, позвони мне, – сказал на прощание Саша. – Можешь даже домой, там сейчас никого нет.

– Большое спасибо, – едко ответила Карина и захлопнула за ним дверь.

Она и сама не могла понять, что с ней творится.

Погоревав пару дней, Карина сделала вывод, что, наверное, действительно устала. Ей необходим отдых, смена впечатлений. Тогда она снова позвонит Саше, извинится перед ним, он поймет ее и простит.

Впереди маячил приятный долгожданный отпуск, и Карина твердо пообещала себе, что проведет его максимально весело и с пользой для здоровья.

Пансионат оказался на уровне: белоснежные корпуса, окруженные тенистыми кипарисовыми аллеями, огромная территория, буквально нашпигованная спортзалами, бассейнами и танцплощадками, и всего пятьсот метров до моря.

Ночью Карина слышала, как шумит прибой.

Ее поселили в уютном одноместном номере с холодильником, телевизором и всеми удобствами. Первые пару дней она отсыпалась, а потом стала подниматься в шесть утра и ходить на пустынный пляж.

Солнце еще не обжигало, его лучи ласково касались кожи, ставшей за зиму белой, точно сметана.

Карина спускалась к самой воде, и ноги тотчас обдавало волной, темно-зеленой, с кружевами пены, плавающими на поверхности песчинками и мелкими ракушками – по утрам слегка штормило.

Где-то вдалеке, на стыке моря и неба, чернели крошечные точки кораблей, над берегом носились чайки, вечно встревоженные и громкоголосые. Загорелые, мускулистые парни-спасатели, позевывая, тащили лодку.

Постояв немного, Карина медленно заходила на глубину, на секунду задерживала дыхание и окуналась в бирюзовую прохладу по самый подбородок. А потом плыла до мерно покачивающегося, тускло-красного буйка, отдыхала, держась

за его скользкий облупленный бок, и возвращалась на берег.

Через неделю ее тело покрылось легким ровным загаром, живот, слегка распутившийся за зиму от неподвижного образа жизни, втянулся и стал плоским, щеки порозовели. Верная своему обещанию поправить здоровье, она регулярно посещала массажный кабинет и подолгу гуляла пешком.

Часть программы, касающаяся полезности отпуска, выполнялась на сто процентов. Сложнее обстояло дело с другой, предполагавшей провести время максимально весело.

Обычно, приехав на отдых, Карина позволяла себе один-два шаблонных курортных романа. Вокруг шла веселая пьянка-гулянка, менялись местами ночь и день, жизнь превращалась в искрящийся фейерверк, черные ночные аллеи выманивали из душных корпусов.

В такой атмосфере даже у Карины, с ее замкнутостью и разборчивостью, появлялся вкус к развлечениям.

Кавалерами ее, как правило, становились женатые мужчины, на пару недель вырвавшиеся из семейных оков и вкусившие долгожданную свободу. Легкие, стремительные связи хорошо развеивали грусть, помогали ощутить себя отдохнувшей и женственной, при этом совершенно не затрагивая ее чувств. К концу отпуска южные страсти угасали так же моментально, как и вспыхивали.

Однако в этот приезд все почему-то получалось иначе, чем всегда.

В первые же дни у нее наметилось несколько ухажеров:

сосед по столику, симпатичный военный из Вологды, мелкий питерский бизнесмен, который так же, как Карина, любил поплавать ранним утром, и местный сочинский парень, гитарист из ресторанного ансамбля. Последний единственный не имел семьи и был слегка помладше Карины, а двое других являлись примерными мужьями, отцами и недавно разменяли сороковник.

Все трое активно проявляли внимание и не скупилась на подарки. Карина отдала было предпочтение питерцу, обладающему наиболее сходным с ней менталитетом, но вскоре разочаровалась в нем и попробовала переключиться на военного. Однако тот показался ей каким-то ограниченным.

Мальчишку-гитариста она и вовсе не могла воспринимать всерьез, его настойчивые ухаживания ее сместили, а затем стали пугать: парень ежедневно надирался до рогатых чертей и поджидал Карину в вестибюле с букетом сорванной в пансионатском саду мальвы и бутылкой коньяка.

Вскоре она почувствовала, что безумно устала от всех троих и хочет одного – чтобы ее кавалеры провалились куда подальше.

Отвязаться от разгоряченных, заведенных мужиков оказалось непросто. Карина стала опаздывать к обеду и ужину, а вечерами старалась пораньше проскользнуть в номер, игнорируя танцы, кино и прочие прелести жизни, не замечая, что невольно возвращается все к тому же одиночеству, от которого так страдала в Москве и мечтала отстраниться за

время отпуска.

Постепенно на нее перестали обращать внимание, и она оказалась в привычном вакууме, вдали ото всех и с книгой в руках.

На горизонте замаячил отъезд.

Как-то вечером, не спеша поужинав и больше не опасаясь ничьих приставаний, Карина подходила к своему корпусу. Сгущались быстрые южные сумерки, вокруг было тихо и безлюдно: основная масса отдыхающих еще тусовалась на пятачке возле столовой, собираясь разбрестись по злачным местам.

Карина уже хотела распахнуть стеклянную дверь, как вдруг до нее донеслись странные звуки. Она остановилась и внимательно огляделась по сторонам.

Сбоку от корпуса, около большой клумбы с розами стоял и горько плакал мальчик лет семи-восьми.

Карина подошла поближе. Пацан заметил ее и зарыдал в голос, размазывая слезы по щекам трясущимися, маленькими ладошками.

Ей стало жаль его. Никого из взрослых рядом не наблюдалось, мальчишка был совершенно один и выглядел так, будто с ним приключилась настоящая беда.

– В чем дело? – мягко спросила Карина. – Где твои родители?

Мальчонка попытался что-то сказать, но из его рта вырывались только всхлипывания.

– Ну, успокойся. – Она обняла ребенка, прижала к себе.

Тот доверчиво ткнулся светловолосой головой ей в бок. Он чем-то напоминал Лелю – такой же белобрысый, веснушчатый, и так же градом текли по его розовому лицу крупные, прозрачные слезы.

– Давай-ка расскажи, что случилось, – попросила Карина. – Может быть, я смогу тебе помочь.

– М-мама... – пролепетал мальчик. – Она... – Видно было, что он изо всех сил сдерживается, чтобы снова не зареветь, и это трогательное проявление силы воли вызвало у Карины уважение.

– Ты потерялся? – догадалась она. – Отстал от мамы, или, наоборот, убежал вперед? Не бойся, она сейчас подойдет.

Пацан отчаянно замотал головой:

– Нет! Она не придет! Ее... – он судорожно сглотнул и все же dokonчил: – ее увезли. В больницу, на «Скорой».

– Господи, – озадаченно проговорила Карина, – что же с ней такое?

– Сердце, – совершенно по-взрослому, серьезно и лаконично ответил новый знакомый.

– С кем же ты остался?

– Один. – Он уже не плакал, лишь время от времени шмыгал носом. Мордашка у него была симпатичная, бесхитростная, и Карина почувствовала, как сердце наполняется щемящей нежностью.

– Совсем один? – не поверила она. – Этого не может быть.

Когда маме стало плохо?

– Утром.

– Где же ты был все это время?

– В номере сидел. – Паренек тяжело вздохнул и еще теснее прижался к Карине.

– И что же, никто за тобой не пришел – я имею в виду горничную или дежурную по этажу?

– Никто, – горестно подтвердил малыш.

– Вот паразиты, – не выдержала Карина.

Нечего сказать, хороша администрация: отправила бабу в больницу и не заметила, что в номере остался ребенок.

– Разве у вас с мамой тут не было знакомых? – поинтересовалась она у мальчишки. – Ну хотя бы соседей по столу?

– Были, – охотно отозвался тот, – дядя Сережа и тетя Света.

– И где они? Почему бросили тебя в беде?

– Они уплыли на теплоходе, сразу после завтрака. Обещали завтра вернуться.

– Ясно. – Карина кивнула. – Тебя как звать?

– Женя.

– Зачем же ты, Женя, просидел весь день в номере? Надо было сразу выйти.

– Боялся, – прошептал мальчик. – Я дверь не умею закрывать, а мама говорила, тут воруют.

– Ну ты даешь! – изумилась Карина. – А как сейчас твоя дверь?

– Открыта, – совсем тихо произнес Женя.

Глаза его снова стали наполняться слезами.

– Ну, ну, – поспешно проговорила она. – Не плачь. Вы откуда приехали?

– Из Волгограда.

– Кто у вас там остался?

– Папа. И бабушка.

– Вот что, – Карина решительно взяла его за руку, – мы сейчас пойдем к администратору и позвоним в Волгоград. Сообщим твоим родным, что мама попала в больницу. А потом решим, что с тобой делать. Согласен?

– Согласен.

Они вошли в корпус, пересекли широкий полукруглый холл, и вдруг Женя остановился, потянул ладошку из Кариной руки.

– Ты что? – Она увидела, как хорошенькое заплаканное личико вмиг побледнело и сморщилось, точно от сильной боли.

– Живот... – пролепетал Женя. – Болит... вон там... – он показал пальцем чуть ниже ребер, – и тошнит.

Испуганная Карина сгребла его в охапку, подтащила к диванчику:

– Посиди. Я сбегаю за врачом.

– Я... хочу кушать, – смущенно прошептал Женя. – Я ведь все пропустил, и обед, и ужин. А мне нельзя долго не есть, у меня этот... как его... га... го...

– Гастрит, – догадалась Карина. – Ладно, это мы сейчас исправим. Давай-ка отложим звонок папе, зайдем ко мне, и я тебя накормлю.

Женя в ответ счастливо улыбнулся.

Они поднялись на второй этаж в ее номер, Карина усадила мальчика за стол, вышла в коридорчик, открыла холодильник, вытащила все, что там нашлось – бутылку молока, сыр, масло, джем, хлеб в полиэтиленовом пакете.

Женя жадно ел бутерброд, пил из стакана, изредка поглядывая на Карину со смущением и благодарностью. Неожиданно она поймала себя на мысли: хорошо бы этот белокурый малыш посидел здесь, в ее номере, подольше.

Наконец он положил остаток булки и виновато покачал головой:

– Больше не могу. Спасибо.

– Не за что. – Карина потрепала его по мягким, шелковым волосам. – Живот больше не болит?

– Нет.

– Тогда поднимайся, пойдем.

Они снова спустились в холл, подошли к кабинету администратора.

– Подожди здесь. – Карина указала Жене на кресло у двери.

Ей не хотелось, чтобы он присутствовал при ее разговоре с администраторшей: незачем парню снова вспоминать о том, что произошло утром.

Женя послушно уселся в кресло и тут же заболтал ногами. Настроение у него совсем выправилось, личико порозовело.

Карина улыбнулась ему и зашла в кабинет.

Администратор, молодая грудастая блондинка с множеством крупных колец на пухлых пальцах, едва услышав ее рассказ про «Скорую», больницу и забытого ребенка, в изумлении округлила глаза:

– Какой такой мальчик? Вы что, смеетесь?

– Это вы смеетесь, – рассердилась Карина. – Как же так: мать увезли на «Скорой», а маленький ребенок весь день один в номере, голодный и...

– Да никого сегодня не увозили на «Скорой», женщина! – волнуясь, проговорила блондинка. – Как бы я этого не знала?

– Может, вы не заметили? – предположила Карина, слегка растерявшись.

– Голубушка, милая, – упирая на «г», затянула девушка. – Вы из меня дуру-то не делайте. Чтоб мы ребенка одного оставили!

– Но он был голодный, – не сдавалась Карина. – Вы бы видели, как он ел у меня в номере!

Лицо администраторши вдруг покрылось испариной, она затравленно посмотрела на Карину, точно та вытащила из-за пазухи пистолет, и направила дуло ей в живот.

– Где он сейчас, этот хлопец? – поспешно спросила она, вылезая из-за стола.

– Там сидит, за дверью, – ничего не понимая, удивленно

ответила Карина.

– Ну-ка, пойдём. – Девушка цепко взяла её за локоть. – Побачим.

– Да вот же он, – с досадой сказала Карина, открывая дверь, и осеклась.

Кресло было абсолютно пустым. Женя исчез без следа.

Администраторша демонстративно сложила руки на роскошном бюсте. Взгляд её не предвещал ничего хорошего.

– Может, вышел... В туалет, например, – неуверенно предположила Карина.

– Говорите, в номер его водили? – Грудастая недобро прищурилась.

– Да.

– Тогда пошли, – почти приказала девушка. – Скорее, скорее, говорю вам!

Карина послушно поспешила за ней. Они почти бегом поднялись по лестнице. Она отперла дверь, чувствуя, как начинает неприятно сосать под ложечкой.

– Смотрите, все на месте? Сумку, кошелек, украшения – все проверяйте! – проговорила администраторша, с трудом дыша от быстрой ходьбы.

Карина бросилась к тумбочке, потом к шкафу – все было целым. Сумка стояла на своем месте.

Она сунула в неё руку – кошелек не было. Большую часть денег Карина хранила в чемодане под одеждой. В кошельке же лежало без малого две тысячи рублей.

– Ваш хлопчик неплохо поживился, – обреченно проговорила администраторша. – Разве можно быть такой доверчивой? – Она покачала головой. – Спасибо, что вы его в номере не оставили, пока спускались ко мне. А то бы он вам и чемодан раскурочил.

Карина подавленно молчала.

– Знаете, сколько их тут шастает? – вздохнула девица. – И как ухитряются пролезть через охрану, ума не приложу. В этом году, правда, ваш случай – первый.

Искать белокурого Женечку (или вовсе не Женечку) было, конечно, делом бесполезным. Его давно и след простыл.

На всякий случай администраторша вызвала милицию, составили акт о краже, и на этом все закончилось.

Всю ночь Карина не могла заснуть. Денег жалко не было, терзала досада за свою глупость. Ее, взрослого человека, провели, как последнюю дуру, поймали на примитивную приманку, словно наивного караса.

Перед глазами все стояло Женино личико: голубые доверчивые глаза, полные слез, дрожащие, слегка припухшие губы, светлые завитки на лбу. И этот ангелочек оказался банальным воришкой! Хорош артист, ничего не скажешь, но ведь какой милый!

Почему-то вдруг вспомнилась ее давняя беременность. Тот нерожденный ребенок был бы сейчас ровесником коварного и обаятельного Женечки. Он мог бы так же сидеть с ней в номере, приехав на отдых, она бы кормила его бутербро-

дами и поила молоком. А по вечерам рассказывала разные интересные истории...

Впервые в жизни Карина пожалела о том, что сделала аборт. Надо было родить от Степана, и сейчас она бы не была такой бесконечно одинокой. С ней осталась бы частичка любимого человека, существо, похожее на него внешне и внутренне. Эх, дура, дура...

На такой печальной ноте завершился ее отпуск.

Вернувшись домой, она стиснула зубы, сорвала в коридоре старые обои и две недели яростно и неумолимо доделывала ремонт. Одна. Саше звонить так и не стала.

Он сам позвонил ей, сказал, что скучает, просил о встрече. Но Карина сочинила какую-то отговорку и отказалась.

А две недели спустя она услышала на лестничной площадке голоса, шаги, знакомый звонкий смех и вдруг ощутила себя необыкновенно счастливой, точно возвратилась ее долгожданная, любимая, дружная семья. И поняла, что все долгие летние месяцы ждала только одного: когда же вернутся Леля с Олегом.

Начался учебный год, и сентябрь сразу же оказался донельзя наполнен событиями.

Зина позвонила и сообщила, что устроилась-таки туда, куда хотела, Олечка Серебрякова сломала руку, а Леля поведала Карине о своей беременности.

Они, как всегда, сидели на кухне, пили кофе и жевали мелкие соленые крекеры, насыпанные горкой в хрустальную конфетницу.

– Какой срок? – спросила Карина, взглядываясь в загорелое и беспечное Лелино лицо.

– Кажется, восемь недель. – Та с хрустом надкусила печенье и потянулась за следующим.

– Тошнит?

– Нисколько. Жрать только хочется, спасу нет. Разжирею, как рождественская свинья. – Леля весело захохотала.

Карина задумчиво помешала ложечкой в чашке.

Теперь ссоры за стеной должны если не прекратиться, то хотя бы стать редкостью. Можно сказать, Леля победила. Оказалась более смелой и решительной, чем Карина, и ее глупостей с абортom повторять не собирается.

Правильно, так и надо. Никуда теперь Олег от нее и ребенка не денется.

Леля, словно услышав ее мысли, вдруг перестала смеять-

ся, вздохнула и сказала печально:

– Олечка ничего не знает.

– Вот обрадуется, когда ты ему скажешь, – предположила Карина.

– Обрадуется? – Леля безнадежно махнула рукой и снова подцепила из вазочки крекер. – Как бы не так. Он меня укокошит. Ему этот ребенок сто лет в обед не нужен.

– Почему ты так уверена? – усомнилась Карина.

– Да он мне сам это повторяет каждую ночь. Там, в Испании, – Леля машинально понизила голос, наклонилась к Карине, словно ее могли подслушать, – климат другой. Ну и... все сдвинулось, понимаешь? Вот так и вышло... случайно. – Она выпрямилась, отхлебнула из чашки и грустно покачала головой. – Я-то рада, что так получилось. Я хочу маленького. Он у нас славненький будет, правда?

– Конечно. – Карина улыбнулась.

Ей вспомнился сочинский аферист Женя и сожаление от того, что у нее нет ребенка.

«Может, это судьба? – подумала она. – Родится малыш, он будет похож на Олега, а стало быть, и на Степана. Лельке быстро наскучит сидеть с ребенком: она захочет работать, куда-нибудь выходить. А я смогу оставаться с ним. Буду ему вроде тетки, ведь Леля мне почти как сестра».

В детстве к Карине и ее маме часто приезжала из Минска худенькая, смешная, старомодная и бездетная тетя Катя. Она была двоюродной сестрой матери и без памяти любила

и баловала Карину – привозила кучу банок с вареньями, соленьями, пекла умопомрачительные ватрушки, пироги с лимоном и вишней, каждый день покупала племяннице мороженое и водила ее в зоопарк. Маленькая Карина все подношения принимала, но не могла взять в толк, отчего так самозабвенно обожает ее далекая тетка.

Теперь тетя Катя была совсем старенькой и приехать в Москву не могла. Да и сделать это, живя в Минске, стало непросто. Зато сейчас Карина понимала ее очень хорошо.

Она представила, как вместе с Лелей будет пеленать малыша, кормить его из бутылочки, купать, выходить с коляской под тополя, и у нее закружилась голова.

Лелин отменный аппетит продержался всего неделю. Ровно через семь дней после разговора на кухне у нее начался тяжкий токсикоз. По утрам ее выворачивало наизнанку, она не могла смотреть на еду и теряла килограмм за килограммом.

Капелла активно репетировала новую гастрольную программу, и Олег работал с утра до ночи. Он уже был посвящен в курс дела и в те редкие минуты, что Карина видела его, выглядел мрачнее тучи.

Она старалась взять на себя все заботы о Леле: закончив работу, неслась по магазинам, наполняя сумки творогом, молочными продуктами и фруктами, варила ей каши, выводила гулять, провожала в поликлинику.

Время теперь было расписано по минутам, и Карину это радовало: давно ее жизнь не была такой наполненной, а она сама не чувствовала себя столь нужной и незаменимой.

Леля стала совершенно беспомощной: целыми днями лежала на диване, бледная, нечесаная, не готовила и не убирала в квартире. Вопреки ожиданиям Карины, их ссоры с Олегом не прекратились, даже стали чаще.

Стоило ему вернуться домой пораньше, как за стеной снова слышались крики и рыдания, а на следующий день Карина находила Лелю опухшей от слез, с белым лицом и красными,

как у кролика, глазами.

Она стала всерьез волноваться, как бы их конфликты не принесли вред малышу, и хотела поговорить с Олегом. Но тот был совершенно неуловим: почти ежедневно задерживался на репетиции, а когда был дома, рядом с ним всегда находилась бледная, исхудавшая Леля, бесплотная и неотступная, как тень отца Гамлета. При ней Карина ничего не могла сказать Олегу и все откладывала и откладывала неприятный разговор.

Иногда Леля пугала ее. Становилась вдруг молчаливой, тихой, смотрела куда-то в одну точку, мимо Карины. В такие моменты в ней не было ничего общего с шумной, болтливой и смешливой девчонкой, какой та привыкла ее видеть.

Как-то, в один из таких моментов, Леля сказала задумчиво:

– Знаешь что? Если Олег бросит меня, я тут же умру.

– Прекрати сейчас же, – рассердилась Карина. – Во-первых, не собирается он тебя бросать, а во-вторых, разве ты не знаешь, какой это грех? Даже говорить и думать про такое преступно!

– А я вовсе не самоубийство имею в виду, – спокойно возразила Леля, будто обсуждала, как лучше варить картошку – в мундире или очищенную. – Я просто сама умру, не вынесу. Точно знаю.

– Вынесешь, – тихо сказала Карина, и неожиданно для себя прибавила: – Я же вынесла, и ничего, жива.

– Ты? – устала на нее Леля. – Что ты вынесла? Ты же никогда... – Она осеклась, взглядевшись в ее лицо, и пробормотала: – Прости.

– Ничего, – спокойно ответила Карина. – Это было давно. Я очень любила одного человека – так же, как ты Олега. Очень. Больше всего на свете.

– А он? – шепотом спросила Леля.

– А он жил со мной, но не любил. Не так, как я его. А потом он ушел.

– Совсем? – ахнула Леля.

– Совсем, – кивнула Карина.

– И что было потом? Ты смогла его забыть?

– Совсем забыть не смогла, – честно призналась она. – Но... я это вынесла, как видишь.

– Ты очень сильная, – тихо проговорила Леля, – я не такая.

– И ты такая же, – успокоила ее Карина. – И вообще, у вас дело другое. Мы даже женаты не были, а у вас будет маленький.

– Скажи, – задумчиво спросила Леля, – у тебя есть его фотографии?

– Нет! – быстро и испуганно сказала Карина. И повторила, уже тише: – Нет. Я их все уничтожила.

Она не сомневалась: если Леля увидит альбом, лежащий у нее в тумбочке у кровати, тут же заметит удивительное сходство Олега со Степаном.

– Ну нет так нет, – спокойно согласилась Леля. – А жаль.

Так, в заботах о Леле, проскочила первая четверть учебного года.

Для Карины она прошла совершенно незаметно.

Раньше она подолгу задерживалась на работе, занимаясь кое с кем из учеников сверхурочно, и совершенно не спешила домой.

Теперь, едва оканчивалось время последнего урока, Карина быстро собиралась и покидала школу. Знакомая старушка-вахтерша, глядя, как она торопливо расписывается в таблице, однажды хитро улыбнулась и сказала:

– Кажись, завела себе наша Карина Петровна сердешного друга. Ишь, несется – так только на свидание, либо, когда дома дите без присмотра.

Карину старухины слова почему-то не расстроили, а, наоборот, обрадовали. Она не стала ее разубеждать, лишь кивнула и выбежала из школы.

К ноябрю Леле стало заметно лучше. Тошнило ее уже меньше, она могла нормально питаться и постепенно возвращалась к своим домашним обязанностям.

Они с Кариной подолгу гуляли по осенним, пустым улицам, по лужам, покрытым тонкой корочкой льда. Обе пытались представить то недалекое будущее, когда в их компании появится третий, в яркой, просторной и удобной коляске, бу-

дет мешать их болтовне властным и оглушительным криком. Тополя качались от ветра, обнажив корявые черные сучья, дни тонули в ранних сумерках.

Приближался день рождения, но вспоминать о нем ей не хотелось.

Как-то в воскресенье она проснулась очень поздно – накануне вечером долго пришлось утешать плачущую после очередной ссоры с Олегом Лелю.

Карина понежилась в постели, обдумывая, чему посвятить выходной день. Сегодня они с Лелей собирались посетить открывшийся неподалеку торговый центр – он работал без выходных, там была целая секция товаров для беременных и грудников. Этим можно было заняться до обеда. А после...

Так и не придумав ничего определенного, Карина встала, не спеша приняла душ, а затем в отличном настроении занялась приготовлением любимого утреннего блюда – яичницы-глазуньи с колбасой, сыром, помидорами и томатной пастой. От этого приятного занятия ее отвлек телефонный звонок.

Карина взяла трубку и услышала далекий, ставший незнакомым Веркин голос. Они не разговаривали почти полгода.

– Привет, – весело застрекотала подруга. – Узнала хоть?

– Узнала. – Карина с трудом заставила себя включиться в разговор. Общаться с Веркой ей совершенно не хотелось.

– Как поживаешь? Я не звоню, так ты и вовсе пропала! У

тебя ведь день рождения на носу – не забыла?

– Да ну его, – недовольно произнесла Карина. – Не хочу и вспоминать. Чего в нем хорошего?

– Как это «чего хорошего»? – возмутилась Верка. – Тебе дай волю, ты и разговаривать перестанешь, и из дому не будешь выходить. Так под лавкой и просидишь... Ладно, не злись, – миролюбиво произнесла она, услышав в ответ напряженное молчание. – Послушай лучше, что я придумала. Ведь это будет пятница? Так вот, вечером мы приглашаем тебя в кафе.

– Кто это мы?

– Ну я, Сережка, Жоржик, Анечка Мухитдинова и Саша.

– Саша? – переспросила Карина. – Не знаю даже. У нас что-то разладилось в последнее время. Может, он вообще занят?

Занятость Саши была хорошим предлогом, чтобы отказаться от Веркиного предложения. На следующую пятницу у Лели был талончик к гинекологу. Их участковая врачиха слыла самой стервозной на всю женскую консультацию и обращалась с беременными очень грубо. Леля, и так ставшая словно обнаженный нерв, опасалась вступать с ней в споры. А Карине казалось, что врачиха недостаточно внимательна, не обращает внимания на низкий гемоглобин, мелкие недомогания, скупится выписать лишние витамины.

В эту пятницу Карина твердо решила сходить с Лелей на прием и поговорить с врачом самолично. Ну что поде-

лать, если ей это гораздо приятнее, чем вечеринка в кафе со школьными друзьями? Однако не тут-то было.

– Саша сможет, – радостно заверила Верка. – Я ему на работу звонила. Он обеими руками за.

Ох уж эта Верка! Она всех вокруг считала своими друзьями, даже тех, кого видела один раз в жизни. Без сомнения, она могла позвонить кому угодно, если речь шла о дружеском сборище.

Карина поняла, что отступать некуда, придется говорить правду.

– Верочка, спасибо, но ничего не получится, – мягко, но непреклонно сказала она подруге.

– Почему не получится? – не поняла та.

– У меня в этот день дела.

– Ну, так отмени их, в честь дня рождения! – потребовала Верка. – Ведь мы все соскучились по тебе. Хотим тебя видеть, устроить праздник!

– Спасибо, – растроганно сказала Карина. – Но я не могу отменить. Это очень важно.

– Ты завела себе кого-то? – ахнула Верка. – Я угадала?

– Да брось ты. – Карина искренне расхохоталась.

– Тогда что же?

– Ну просто... надо помочь соседке, – нехотя выговорила она.

– Соседке? – быстро переспросила Верка, и в голосе ее послышались металлические нотки. – Так ты из-за соседки?

– Ей нездоровится. – Карина чувствовала, что оправдывается, и ее это очень злило. – Я должна помочь, кроме меня, у нее никого. Муж работает с утра до ночи.

– Слыхала я о твоих соседях, – неприязненно произнесла Верка, – Саша мне все о них рассказал.

– Что – все? – напряглась Карина.

– Как они тебя поработили и ты уделяешь им все свободное время. По-моему, ты сошла с ума!

– С какой это стати? – возмутилась Карина.

Вот оно, начинается! Снова Верка пытается поучить ее жизни. А Саша хорош гусь: обиделся, что они с лета толком не видятся, и наябедничал ее подруге. Небось вдвоем и придумали этот дурацкий вечер в кафе.

– С такой, – выпалила вошедшая в раж Верка. – Ты живешь шведской семьей! Каринка, это же кошмар, неужели не понимаешь?

Карина почувствовала, как загорелись щеки, точно она получила две оплеухи сразу.

– По какому праву, – начала она дрожащим от гнева, прерывающимся голосом, – ты так со мной разговариваешь? Я что тебе, маленькая несмышленная дурочка, которую можно воспитывать, втолковывать, что ей на пользу, а что нет? В чью жизнь можно вторгаться безо всяких церемоний? Вот уж не предполагала, что лучшая подруга должна исполнять функции судьи! Я просто не желаю больше тебя слушать! – Она бросила трубку на рычаг.

Через секунду телефон зазвонил опять.

– Ну что ты, Кариша! Не сердись! – В голосе Верки слышалось раскаяние. – Я же вовсе не хотела тебя обидеть. Не хочешь – как хочешь! Никто насильно не собирается тебя тащить.

– Благодарю, – язвительно ответила Карина.

– Я просто беспокоюсь о тебе, – мягко проговорила Верка.

– Не беспокойся! Я взрослая девочка. Михаил Юрьевич Лермонтов к этому времени уже погиб на дуэли, написав все свои бессмертные произведения.

– Хорошо, хорошо, – согласилась Верка, – я тебе еще позвоню. Ближе к делу. А пока – адыю!

– До свиданья.

Карина повесила трубку. Настроение было безнадежно испорчено. Ей вдруг стало ясно как божий день, что Верка абсолютно права.

Кем она стала? Старой девой, приживалкой при чужой семье! Как она могла докатиться до этого – молодая, красивая, образованная, талантливая? Почему, вместо того чтобы жить полной жизнью, любить, быть любимой, рожать своих детей, работать на интересной работе, она заперла себя в четырех стенах, похоронила в музыкалке, дала себя сожрать школьной администрации и лелеет надежду растить чужого младенца? Как она могла так с собой обойтись?

Ее душили слезы досады – самые горькие, тяжелые и безотрадные. За прошедшую юность, не принесшую ничего,

кроме разбитых надежд и разочарования, за бесцельно уходящую молодость, за никому не нужную красоту.

Что проку в ее заботе о Леле? Та – счастливица, рядом с ней любимый человек, скоро она станет матерью и испытает все то, что никогда не придется самой Карине! И не она должна утешать Лелю, а, наоборот, совсем наоборот!

Она судорожно вздохнула и вытерла глаза.

Вера права: с этим пора покончить, и немедленно. Прямо сегодня, сейчас!

Карина решительно разбила яйцо в сковородку. Позавтракав, она накрасилась с особой тщательностью, а затем облачилась в лучший свой наряд: облегающие брюки из пятнистой лайки, которые Саша называл «змеиными», и тонкий черный шерстяной джемпер. Комплект этот выглядел на ней очень эффектно, подчеркивая изящную талию, а черный цвет необыкновенно шел к ее светло-русые волосам и зеленоватым глазам.

Подумав, она залезла в «дачные» доллары, отложенные для крупных покупок, вытащила две купюры по сто баксов, надела дубленку и вышла на улицу.

Распрямив плечи и высоко подняв голову, Карина прошествовала в торговый центр, миновала «товары для беременных» и остановилась в дверях модного бутика.

Салон был пуст. Продавщица, сидевшая с книжкой в руке, подняла глаза, и скука на ее лице сменилась выражением заинтересованности.

– Чем вам помочь? – вежливо осведомила она.

– Меня интересуют вечерние платья, – ледяным тоном произнесла Карина.

– Пойдемте. Я покажу вам, что у нас есть, – приветливо улыбнулась девушка. – Как раз позавчера привезли новую коллекцию из Англии.

Карина прошла в примерочную и не спеша перемерила не менее семи платьев – строгих закрытых черных, серебристых с оголенными плечами, романтических бордовых и синих. Наконец, она остановила свой выбор на тускло-лиловом бархатном платье, по подолу отделанном люрексом, с глубоким вырезом и длинными рукавами. Она повертелась перед зеркалом, оглядывая себя со всех сторон.

– Великолепно! – искренне восхитилась продавщица. – И сидит безупречно, и стиль – идеально ваш. Берете?

– Беру, – решительно выдохнула Карина.

Платье стоило как раз сто девяносто долларов.

«И даже мало!» – удовлетворенно решила она. Как там, в рекламе – «ведь я этого достойна»!

Из магазина она вышла все той же гордой походкой, не спеша осмотрелась, заметила у обочины красивого парня, протирающего губкой тонированное стекло «БМВ», и, дождавшись, пока тот поднимет голову, послала ему ослепительную улыбку.

Парень удивленно застыл на месте, а потом тоже заулыбался, с любопытством разглядывая Карину. Та помахала

ему кончиками пальцев и, повернувшись, двинулась к дому.

Она, конечно же, позвонит вечером Верке, скажет, что передумала и пойдет в кафе. В этом самом двухсотдолларовом платье, и пусть все видят, какая она неотразимая, загадочная, романтическая и желанная. Пусть Саша сгорает от страсти, а другие сходят с ума от зависти к нему.

Карина еще зашла в универсам и купила свои любимые креветки, бутылку пива и торт из мороженого в виде ананаса. Она это заслужила, и никаких сегодня Лели и Олега. Хватит ей чужих проблем, она намерена добиться от жизни всего. Какие ее годы?

Чрезвычайно довольная собой, Карина вернулась домой. Щеки ее разрумянились от легкого ноябрьского морозца, за спиной ощущались крылья. Она поставила сумки на галошницу, сняла сапоги и дубленку, улыбнулась своему отражению в зеркале.

И тут в дверь позвонили.

«Только не это! – с тоской подумала Карина. – Конечно же, Леля. Пришла снова плакаться в жилетку». Увы, придется придумать, как избавиться от нее на сегодняшний вечер. Пока, а там – будет видно.

Она решительно распахнула дверь. На пороге стоял Олег – как всегда, в длинном пестром свитере, в джинсах, с сумрачным и угрюмым лицом. Он мельком глянул на Карину, и та, по обыкновению, почувствовала неловкость, но одернула себя.

Что же это она! Сегодня ее день, и никому не позволено смотреть на нее пренебрежительно. А ей не пристало ни перед кем опускать глаза.

Карина взглянула на Олега с вызовом. У того на мгновение брови удивленно взметнулись, и тут же его лицо снова стало мрачным и отрешенным.

– Слушай, – сказал он, – Лелька не у тебя?

– Нет, – покачала Карина головой.

– Как нет? – недоверчиво переспросил Олег и поглядел через ее плечо.

– Так, – она усмехнулась, – я же не буду ее от тебя прятать.

– Вот елки-палки! – с досадой пробормотал он.

– Да что случилось? – испугалась Карина. – Куда она могла деться?

– Ничего не случилось, – нехотя проговорил Олег, – просто обещала вчера, что уедет к матери в Зеленоград. Значит, уехала.

– Как? – опешила Карина. – Зачем ты ее отпустил? Она же еле ходит!

– Откуда я знал, что она и вправду уедет? Думал, снова у тебя отсиживаться будет. Утром ушел на работу, сейчас вернулся – ее нет.

– Вы так и не помирились вчера? – с укором спросила Карина.

– А! – отмахнулся Олег и вдруг, слегка отодвинув ее, без всякого приглашения прошел в комнату и уселся на диване, низко опустив голову и обхватив ее руками.

Карина в растерянности последовала за ним. Он услышал ее шаги и, не отрывая ладоней от лица, глухо сказал:

– Не могу больше! Все бессмысленно. Какая-то глупая пытка – ее мучаю, сам мучаюсь. Словно замкнутый круг, из которого не вырваться.

– Зря ты так! – запальчиво начала Карина, чувствуя, что настал долгожданный момент для серьезного разговора с

Олег. – Ты не представляешь, как Леля тебя любит! Она ради тебя на все готова. Надо только пойти ей навстречу.

Олег опустил руки, выпрямился, внимательно глядя на Карину, точно впервые увидел. Ей стало не по себе, но она твердо решила продолжать.

– Она...

– Любит, говоришь? – неожиданно переспросил Олег. Голос его звучал тихо и очень спокойно, даже бесстрастно.

Карина молча кивнула. Она вдруг почувствовала озноб, такой сильный и внезапный, что невольно застучали зубы.

– Все Лельку защищаешь? – Олег не отрывал пристально-го взгляда от Карины. – А как насчет самой себя? Не жалко? Мечтаешь стать приживалкой при ней?

Она содрогнулась от жестокости и точности его слов – будто он мог каким-то невероятным образом прочесть ее недавние мысли.

В комнате было так тихо, что Карина отчетливо слышала шум собственного дыхания. На мгновение ей показалось, что она видит сон – настолько нереальным и нелепым было все вокруг: и эта утонувшая в тишине комната, и она сама, стоящая посередине, тщетно пытающаяся унять дрожь, и этот странный человек, до ужаса похожий на Степана, с больным и безнадежным взглядом. «Я проснусь! – в страхе подумала Карина. – Я сейчас проснусь!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.